

Сергей

ФЕДОРАНИЧ

БОГ ТЕБЕ
СУДЬЯ

Без права на жизнь

Сергей Федоранич

Бог тебе судья

«Автор»

2019

Федоранич С.

Бог тебе судья / С. Федоранич — «Автор», 2019 — (Без права на жизнь)

ISBN 978-5-04-097693-5

Неподалеку от маленького поселка-новостройки, уютно устроившемся в лесу с живописными видами, обнаружено леденящее душу захоронение с десятками трупов, погребенных слоями. Кто-то истребляет жителей одного за другим, но люди продолжают жить своей жизнью до тех пор, пока подозреваемого не задерживают. Казалось бы, зло остановлено... Молодой помощник адвоката Витя Черемушкин берется за это громкое дело, рассчитывая, что оно станет украшением его послужного списка, но он не подозревает, в какую психологически изощренную историю погружается. Его подзащитный – художник. И он рисует картины не красками, а кровью своих жертв. Он сам об этом рассказывал. Жуткий маньяк, помимо всего прочего, наделен дьявольским талантом, от которого у нормального человека кровь стынет в жилах. Витя ожидал от этого дела чего угодно, но не путешествия по психологическому лабиринту, выбраться из которого прежним человеком ему не удастся. Дело, которое поначалу кажется простым, превратится в сложнейшую головоломку с непростыми нравственными дилеммами. Блестящий юридический триллер о том, что идея об идеальном мире зачастую открывает ужасающие бездны. «Роман-качели – стремительные перелеты между полюсами, от беспросветного мрачного хаоса к холодной стройной точности юридических решений. В этой книге погружение в пучину безумия соседствует с обычной повседневной жизнью с ее светлыми восторгами, тяжелыми решениями и неизбежной грязью. Что ж, такова жизнь: у каждой свой ад; у каждого свой шанс», – Александра Маринина.

ISBN 978-5-04-097693-5

© Федоранич С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие Александры Марининой	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Федоранич Бог тебе судья

Предисловие Александры Марининой

Детектив как литературный жанр давно перестал быть загадкой-конфеткой, завернутой в фантик, состоящей из «немного о природе, немного о погоде и чуть-чуть о внешности». Границы жанров расплылись, и авторы перешагивают их, перенося на территорию психологической драмы, любовного или исторического романа, а то и мелодрамы ту самую загадку, которая из конфетки теперь превращается просто в обертку. Яркую, завлекательную, но отнюдь не являющуюся сутью написанного.

«Бог тебе судья» – яркий пример подобного детектива-недетектива. Тайна? Есть. Трупы? Во множестве. Нет следствия, ибо оно осталось далеко позади, впереди же судебный процесс, на котором известному и успешному адвокату предстоит поставить под сомнение виновность подсудимого. Однако главным героем романа является отнюдь не адвокат, а его молодой помощник Виктор, столкнувшийся с тяжелой личной проблемой, и вот эта-то проблема и отчаянные попытки Виктора справиться с ней как раз и являются той сутью, тем зерном, ради которого автор написал свое произведение.

Виктору двадцать с небольшим, он счастливо женат... Был. То есть женатым человеком он пока и остается, но вот счастлив ли? У любимой жены тяжелое психическое расстройство, она буквально на глазах теряет рассудок, уходя все дальше и дальше от реального мира и погружаясь во мрак безумия. Она уже не может находиться дома одна, приходится поместить ее в психиатрическую клинику, где ей предстоит провести, по-видимому, долгие годы, а возможно, и всю оставшуюся жизнь. Молодая женщина все хуже понимает происходящее, и о выздоровлении речь вообще не идет, говорить имеет смысл только о продлении биологического существования. И перед Виктором встает вопрос: что ему делать со своей жизнью? С жизнью жены все понятно: он готов оплачивать лечение и делать все, что нужно, но с самим собой-то как быть? Жить дальше? Оформить развод и строить новую семью, растить детей? Или похоронить себя в роли преданного мужа, хранящего верность тяжело больной жене и готового поставить крест и на личном счастье, и на будущем, и на желании иметь детей? Вопрос, безусловно, не нов, литература и кинематограф обращались к нему не единожды, но крайне редко, а возможно, и никогда доселе такая проблема не ставилась авторами перед столь молодым героем. А ведь в возрасте героя и кроется самое главное. Когда проблема стоит перед человеком в возрасте за шестьдесят, у него уже достаточно жизненного опыта и мудрости, чтобы принять решение и распорядиться оставшимися годами жизни, которых (давайте будем честными) осталось хорошо если пара десятков. Но когда проблема встает перед молодым парнем, не нажившим собственными страданиями практически никакого опыта и вынужденным принимать решение о шестидесяти предстоящих годах... Согласитесь, это не одно и то же.

Виктору невероятно трудно. Он не понимает, какое решение будет правильным, но точно знает, что общественное мнение осудит его, если во главу угла он поставит собственную жизнь и собственное будущее. Он не хочет оставаться мужем психически больной женщины, пусть даже память о любви к ней еще жива, но не понимает: имеет ли он права этого не хотеть? Может ли человек считать себя порядочным, если определяет свою жизнь вопреки сложившемуся мнению? И что в конце концов важнее: то, что думает и чего хочет он сам, или то, что думают и ждут от него другие люди? Виктор не хочет мертвой любви, он стремится к любви живой, горячей, яркой. В конце концов влюбляется, и от этого мучается еще больше.

И точно такой же вопрос, но в совершенно другом антураже, автор книги Сергей Федоранич коварно ставит перед другим персонажем – Кристиной, врачом, организовавшим и возглавившим общину, в которой люди имеют возможность жить в более здоровых по медицинским критериям условиях. Здесь нет информационного шума, зато есть продукты, выращенные без химических добавок, физический труд на свежем воздухе, передовые медицинские технологии. Казалось бы, что плохого? Но в головах носителей общественного мнения безобидная община мгновенно превращается в прибежище сектантов-сатанистов, а там – всего лишь один шаг до расправы и погрома. Кристине нужно принимать решение: что делать? Идти на поводу у того самого общественного мнения и ликвидировать общину своей мечты, чтобы обезопасить тех, кто ей поверил и пошел за ней? Или пренебречь мнением «большинства» и сохранить ту жизнь, к которой она стремится? Кристина не так юна, как Виктор, но и ненамного старше, и ей тоже очень трудно, ибо решения, которые ей необходимо принимать, касаются не только ее собственной жизни, но и жизней многих людей, живущих в общине.

Сергей Федоранич – автор молодой по возрасту, но не по писательскому опыту, и «Бог тебе судья» – далеко не первое его произведение. Но и в этом романе, и во всех предыдущих поражает смелая честность, с какой он рассказывает о том, что думают и как чувствуют молодые мужчины, какими глазами они смотрят на мир. Федоранич не пытается показать своих героев в более выгодном свете, выставляя их эдакими мачо, чем частенько грешат другие авторы. Мужские персонажи Федоранича – люди с комплексами, недостатками и такими страхами, о которых читатели женского пола порой даже не догадывались, а читатели-мужчины далеко не всегда сами себе в них признаются. И эти честность и открытость автора, это отсутствие боязни выглядеть смешным и слабым вызывают у меня как у читателя огромное уважение.

Но Сергей Федоранич не только писатель, но и профессиональный юрист, и «вишенкой на торте» в романе «Бог тебе судья» являются весьма любопытные наблюдения и рассуждения на тему законодательного регулирования смертной казни. Можно ли ее исполнять, если вроде бы существует мораторий? Не составлены ли формулировки таким хитрым образом, что их можно обойти? Можно ли применять ее к женщинам? А если нельзя, то где это записано?

Коль есть заявка на детектив и довольно жуткая загадка, то существует и разгадка, которую автор преподносит нам в самом конце. Разгадка весьма неожиданная!

Не ждите от книги погонь, драк и стрельбы, на этих страницах вы их не найдете. Но если вам интересно взглянуть на мир глазами отчаявшегося и запутавшегося молодого человека – добро пожаловать, этот роман для вас.

Александра Маринина

Господи боже, ну как я могу пойти на это преступление? Как? Это ведь не просто против правил, это против природы, против всего, что людям дорого и близко, это против Бога. Меня никогда не поймут, никогда не простят. Людям даже в голову не придет попытаться найти какие-то мотивы, разобраться и понять: почему абсолютно нормальный человек пошел на такое. Я никогда не смогу объясниться, я никогда не вымолю прощения...

Почему эти мысли у меня в голове, кто их туда поселил? Неужели это все из-за нее? Из-за тонких длинных пальчиков, из-за взгляда, от которого хочется просто закрыть глаза и умереть? Нет, абсолютно точно нет, она ни в чем не виновата. Ведь она ни о чем не просит, она, наверное, даже не догадывается. Это я во всем буду виноват.

Часть 1

Витя

Босс с самого утра был сам не свой. Сказать, что он был не в духе, – это ничего не сказать. Конечно, будешь недоволен, когда у тебя ставка двадцать пять тысяч рублей в час, а приходится пахать за тысячу двести в день, но выбора нет. За последние полгода босс ухитрился вполне законно увильнуть от пяти назначений, шестого, случившегося сегодня утром, избежать не удалось.

Дежурство нашей адвокатской палаты началось с 00.00 первого июня и продлится до 23.59 пятого июня, и все поступившие приглашения о назначении должны быть распределены среди всех действующих адвокатов палаты, без исключений, таков порядок. Но не для Сергея Юрьевича Рождественского, преуспевающего юриста тридцати восьми лет, который терпеть не мог зарабатывать меньше прожиточного минимума в час. А тут смехотворный гонорар – тысяча двести рублей за день, и это максимальная ставка!

Все утро я слышал гневные крики Рождественского, доносящиеся из кабинета, и переглядывался со стажерами – Викой и Машей. Да, в этот раз не повезло, придется впрягаться. Девчонкам нравилось работать с Сергеем Юрьевичем, он их любил, почти боготворил, а вот меня – нет.

Не знаю, как так сложилось, что я уже четыре года работаю на этого самовлюбленного, эгоцентричного козла, который не в состоянии проследить не только за своей речью, но и за действиями. «Истеричка» – так мы зовем Сергея Юрьевича за спиной, и это определение ему подходит идеально. Он ругается матом не только на нас, но и на своих клиентов, может запустить многострадальную статуэтку Фемиды в привычный для нее полет по коридору или разбить об стену очередное пресс-папье. Мне доставалось и фикусом в кадке, и степлером, и клавиатурой, и даже ботинком босса.

Наш офис расположен на Арбате, который зовется «Старым», недалеко от станции метро «Смоленская». Рождественский арендует в здании отеля в административном крыле на первом этаже пять кабинетов, со своим туалетом и просторной переговорной. Собственно, этими пятью кабинетами крыло и заканчивается, посторонних у нас нет, а вход в наше логово преграждает железная золотая дверь. У нас тут весьма уютно и спокойно, когда нет Истерички или его жены, еще большей истерички, чем сам Сергей Юрьевич.

К слову сказать, Юлия Викторовна совсем даже не Рождественская, а Волгина и официально в браке не состоит. Зато состоит в штате адвокатского кабинета Рождественского, его заместителем по административным вопросам – Юлия Викторовна у нас завхоз. Она отвечает и за мебель, и за канцелярские принадлежности, и за красоту и уют. Только что может обуютить эта фифа, я не понимаю.

Я пришел на работу к Рождественскому под впечатлением от его пламенной речи в судебном заседании в Мосгорсуде, куда нас привела на практику преподаватель по уголовному процессу. Я помню, как меня захватил восторг от этого действия – красивый зал, отделанный деревом, красивые и умные судьи, покоящиеся на своих непоколебимых тронах. Их не задевали громы и молнии, которые метал в тот день Сергей Юрьевич, молодой перспективный адвокат по уголовным делам. А сам Сергей Юрьевич Рождественский был хорош, ох как хорош – и осанка, и костюм, и речь. Ни единого повторения, процессуальные нормы отлетали от зубов, хоть с кодексом сравнивай, а какой взор, какие посылы... Его жалобу тогда отклонили, конечно же, но мое сердце он покорило. Я захотел стать именно таким адвокатом.

Летом перед последним курсом я напросился проходить у него практику, и Сергей Юрьевич меня взял. А когда я выпустился, то пришел к нему устраиваться на работу. Я рассчитывал поднабраться опыта у такого крутого адвоката, а потом самому стать адвокатом. Для этого надо продержаться два года в качестве стажера после окончания вуза, и можно смело идти сдавать экзамены.

Но вот прошло два года, затем еще два, и меня повысили до помощника. И я, какого-то черта, все еще сижу у Рождественского в подмастерьях. При этом ни я, ни сам Сергей Юрьевич особого восторга от этого обстоятельства не испытываем. Иногда мне кажется, что он воспринимает меня как плату за его грехи – вот на тебе Витеньку в помощники, чтобы жизнь малиной не казалась.

Он критикует меня нещадно, угодить боссу я не сумел ни разу за всю свою четырехлетнюю карьеру. Да я даже иск не могу составить так, чтобы он не поперечеркал в нем все. И стилистика-то у меня хилая, и аргументы полудохлые, и мысль-то недоразвита... Ой, да ну его, один черт, примет только третий черновик, не раньше. Все итерации будут сопровождаться криками, летающими предметами, угрозами уволить или съесть на ужин... Да, эксперименты я проводил – в третьем черновике несколько раз оставлял свой первый вариант, и прокатывало, главное, карандашиком сверху подписать, что это уже третья версия документа. Самый лучший аргумент. Тогда он удовлетворенно покряхтит и размашисто подпишет внизу страницы. В общем, более или менее поведенческий портрет Сергея Юрьевича вам понятен. Теперь о внешности.

Красоты мужик этот необыкновенной. Так, во всяком случае, Рождественский сам считает. И ему в этом помогают и горячо любимая незаконная жена, у которой на лбу написано, что она любит деньги больше всего на свете, и девчонки-стажерки, которые и впрямь от босса без ума. По мне, так он так себе экземпляр, не альфа-самец точно.

Начнем с того, что Сергей Юрьевич обошел уже все клиники в Москве по подтяжке морды и везде что-то себе натянул. Выглядит он, конечно, неплохо для своих лет, но мог бы и получше, если бы не злоупотреблял алкоголем и сигаретами. Кабинет у него прокурен насквозь, а виски разит оттуда как из полуподвального барчика где-то на юге Чикаго. Рождественский наивно полагает, что еженедельный пилинг прокуренной кожи поможет ему выглядеть свежо и молодо, а потрепанный абонемент в солярий обеспечит загар часто отдыхающего на фешенебельных курортах преуспевающего адвоката. Все так, наверное, в чьих-то глазах. Вот только это все неправда.

Я не знаю, когда Рождественский успевает ходить по этим своим заведениям наводить красоту, потому что работает он реально как вол. Из помощников у него только я, мелкую секретарскую работу делают девчонки-стажерки, а основной груз тянет сам Сергей Юрьевич. Он приезжает в офис к семи утра и уезжает не раньше девяти вечера. Днем его практически нет – судебные заседания, встречи. Я не уверен, что он умудряется где-то втолкнуть в свое плотное расписание походы по салонам красоты, потому что график босса у меня на компьютере – я вижу каждый час его занятости. Ведь это я назначаю Сергею Юрьевичу встречи и судебные заседания: согласовываю с прокурорскими исходя из его месторасположения и наличия «окон».

Когда я стал ответственным за график Рождественского и составил его на неделю с девяти утра и до шести вечера, то получил по первое число. Сергей Юрьевич сказал, что так работают халявшики, которые привыкли загребать чужие деньги, а не зарабатывать свои. Велел, чтобы я вставил по пять коммерческих часов в день и планировал его рабочее время, начиная не позже восьми утра, а заканчивая не раньше девяти вечера. Пять коммерческих часов – это пять встреч с клиентами. В Москве. При таком трафике. Сейчас я уже понимаю, что для Рождественского такая нагрузка – норма, поэтому у него столько денег и столько клиентов. Его

график состоит из пяти консультаций в день, двух судебных заседаний и трех часов работы в офисе, без перерыва (утром, днем или вечером).

А теперь к плюсам. Вернее, к единственному и неповторимому плюсу в работе с Истеричкой – Рождественский платит настолько хорошо, что я даже не представляю, где еще смогу заработать такие деньги. Даже стажеры у него получают зарплату больше, чем я планировал получать в свой первый год на юридическом поприще, – порядка семидесяти тысяч в месяц.

Рождественский терпеть не может гражданские дела и практически никогда не участвует в них, отдавая предпочтение делам уголовным. Убийцы, наркоторговцы, насильники – это специализация адвоката Рождественского. И что ни дело, то обязательно с судом присяжных. А на суд присяжных отдают только очень сложные, резонансные преступления, совершенные с особой жестокостью или особо опасным способом.

И каждый раз, когда Рождественский берет новое дело, это означает, что будет сложно, интересно и жутко.

Но за четыре года, которые я с ним работаю, ни разу не было опасно. Видимо, и на старуху бывает проруха.

* * *

– Витя, зайди ко мне! – услышал я истерический вопль босса. Девчонки притихли моментом. Обычно после призыва следует фраза: «И захвати девчонку какую-нибудь, какая ближе», но в этот раз из кабинета больше не раздалось ни звука.

Наши пять кабинетов связаны между собой одной приемной, в которой сидит одна из стажерок – девушка Вика, смышленная и подвижная. Все-то у нее в руках горит и перекипает, работа ладится, и вся она такая ладная, легкая, веселая. Даже удивительно, чем такую радостную птичку-трясогузку привлекает мрачный мир преступлений и уголовного процесса. Но Викуля молодец, пусть у нее не семь пядей во лбу, но закон она знает хорошо и легко в нем ориентируется, что немаловажно для молодого юриста. Сергея Юрьевича (Сереженьку) она боготворит, ловит каждое его слово и по несколько десятков раз перечитывает все его статьи в журналах или газетах. И делает это вовсе не из корыстных побуждений ублажить босса, чтобы получить повышение в зарплате, нет, ей действительно интересно.

Я поднялся со своего скрипучего кресла и двинулся в сторону кабинета босса. Викуля проводила меня ободряющим взглядом и показала два больших пальца в знак поддержки. Я слабо улыбнулся – ночь была бессонная, да и надоело мне уже все. Хочу завалиться спать и отрубиться от мира на недельку – чтобы никто не звонил и не писал. Что со мной? Старость, что ли, пришла?

– Я пришел, – сообщил я очевидную вещь, проходя в кабинет.

Рождественский был при полном параде, впрочем, как и всегда. Идеально сидящий костюм бутылочного цвета, белая сорочка, тонкий галстук в тон пиджаку. Ботинки выглядят как будто из кожи крокодила, и я уверен, так оно и есть.

Сергей Юрьевич восседал на своем огромном троне. Царь наш уголовно-процессуальный. Голова скорбно опущена в толстенный том дела, брови сдвинуты. Максимальная концентрация на процессе.

– Ты опять пришел в этой отвратительной рубашке? Сколько раз тебе говорить, что короткие рукава – это моветон? – первым делом спросил босс, не отрываясь от чтения.

Вот ведь прикопался к моим рубашкам! А мне нравятся рубашки с короткими рукавами. Я люблю, когда одежда комфортная, легкая, не сковывает движения. А Рождественский вечно запакуется в свои костюмы-сорочки-пиджаки и сидит под кондиционером целый день. Пробежит от двери до машины – и снова под кондей. А в зале суда мучается, потеет, преет, потом возвращается в офис и первым делом в душ (да, у него есть душевая кабина в отдельной ком-

нате отдыха), сменит сорочку и снова за работу. Нет, увольте! Мне, пожалуйста, хлопковую или льняную рубашку с короткими рукавами и желательно шорты. Но шорты, конечно, перебор. Вот если я захочу убить босса, то обязательно надену шорты, у него инфаркт случится.

– Сергей Юрьевич, у меня сегодня нет никаких встреч, – в который раз объясняюсь я, – и я буду неотрывно работать за компом. В кабинете душно, даже с кондиционером, даже при открытых окнах...

– Да ты еще пять причин найдешь, лишь бы оправдать свое сельпо, – отмахнулся босс. – Если бы я выбирал помощника только из-за стиля, то ты бы был вышвырнут еще в первый день, когда приперся в джинсах в мой офис.

Да, джинсы он тоже не любит. Чертов эстет.

– Дверь закрой и садись.

– Вы опять стащили уголовное дело? – спросил я, усевшись за стол напротив него.

– Ты предлагаешь мне потеть в прокуренном кабинете следователя с этими бумажками?

– Да нет, просто вас когда-нибудь посадят за это, да и все.

– Не будь занудой, – снова отмахнулся Сергей Юрьевич. – И ничего не стащил. Валюша мне сама отдала, велела вечером занести обратно. Отправь кого-нибудь из девчонок, только на моей машине, чтобы в целости довезли.

– Хорошо.

Вот странный человек! Он так трепетно относится к праву, так смакует его нормы, требуя читать их внимательно и разбирать на слагаемые, чтобы проникнуть в суть правовой мысли... А некоторые законы нарушает даже глазом не моргнув. Есть у него какой-то собственный сосуд с законами, туда закинутыми, которые он бережет, боясь расплескать, а есть другие законы, которые вовне. И на них Рождественскому плевать. Закон строго-настрога запрещает адвокату не только забирать уголовное дело к себе в офис для ознакомления, его даже листать в отсутствие следователя запрещено. Но у Рождественского свои взгляды на это: с большинством следователей он в отличных профессиональных отношениях и доверие заслужил годами.

Лично я не верю, что следователь радушно дает ему материалы уголовного дела с наказом вернуть в целости и сохранности, я думаю, что Рождественский тихо тырит их, а потом незаметно возвращает, и девчонки ему в этом помогают. Но доказать я ничего не могу.

– Я сегодня не просто получил это дело, я еще успел познакомиться с обвиняемым. Дело Вороновой снова перенесли, у нее какая-то шишка закровоточила, и все СИЗО в панике пытается ее спасти. Говорил я им, чтобы положили женщину в больницу... Так нет же, выписали постоянного медика и поселили в СИЗО... Ну она даст им пургену в чай, еще не вечер. Третий месяц пытаемся обвинение дослушать. Ну так вот, перенесли, значит, нашу сердобольную, и меня выцепила Валюша. Пошли, говорит, я тебя с одним человеком познакомлю. Ну я и пошел – ордер-то уже на руках, чего тянуть?.. Нет, я знал, что обвиняемый наш под сто пятую пытается протиснуться... Но такого у меня еще не было! Ты только представь: человека зовут Роберт Смирнов, и обвиняется он в каннибализме. Естественно, следователь утверждает, что Смирнов съел своих жертв. Троих.

Меня замутило. Нет, я не ханжа и не неженка. Говорил уже, что у Рождественского что ни дело, то брызги крови и слез. Просто я недавно пообедал, а на сытый желудок я слишком восприимчив к вопросам еды.

– Съел без остатка? – уточнил я.

– Ты смотри какой кровожадный! Нет, фрагментарно. Это не суть. Суть в том, что Валюша подозревает, что Смирнов не самостоятельно добыл себе такую своеобразную еду. И я ее понимаю – Смирнов от горшка два вершка, худосочный, ручки-веточки, глаза большие и болезненные... Ну да, если человечину есть, не только глаза болезненные будут. В общем, что каннибализмом он занимался – это у нее сомнений не вызывает, да и у меня тоже. Но кому наше мнение важно, верно? А вот что убил он, это сомнительно.

– Так уголовное дело завели по сто пятой? Или двести сорок четвертой?

– Пока по сто пятой, часть вторая, «м»: убийство в целях использования органов или тканей человека.

Да уж. Уголовное дело по части второй 105-й статьи Уголовного кодекса России – это особо тяжкое преступление, там можно получить от восьми до двадцати лет лишения свободы или пожизненное. А вот статья 244-я – надругательство над телами умерших или местами их захоронений – это небольшая тяжесть, там до трех лет и вероятен условный срок. Каннибализм как таковой уголовным законом прямо не запрещен, все случаи квалифицируют либо по 105-й, либо по 244-й в зависимости от того, убивал каннибал свою жертву или нет.

– И вы должны ей помочь разобраться?

– Да нет, конечно. Сама разберется. Мы должны доказать, что Роберт Смирнов людей не убивал, а только употреблял их мясо в пищу.

– А если убивал?

– Значит, следствие это докажет. Наша задача – обеспечить ему защиту.

– А кого он съел?

– А вот тут не для слабонервных. Мать и двоих детей, мальчика восьми лет и трехгодовалую девочку. Есть еще кое-что необычное. Поэтому я тебя и позвал – наш Смирнов художник. И он нарисовал полотно. И здесь мне нужна твоя помощь, ты же у нас искусствовед.

– Какое отношение полотно имеет к убийствам и каннибализму? – спросил я, и меня затошнило еще сильнее от пришедшей в голову мысли: – Он что...

– Да, он написал картину кровью.

* * *

В материалах уголовного дела картины не было. Ни самого полотна, ни фотографии. Вернее, сама-то картина была, но вещественные доказательства хранятся в специальном месте под замком. Камеру хранения вещественных доказательств Рождественский, слава богу, не вынес.

– Но я ее видел, – сказал Сергей Юрьевич. – Тебе понравится. Ты любишь странные вещи.

Ну вот с чего он взял? Мне нравятся разные картины, не всегда я в восторге от пейзажей, натюрмортов или портретов. Мне нужно, чтобы в полотне было что-то сокрыто от первого взгляда, чтобы было над чем поразмышлять. Таких картин я встречаю мало и всякий раз стараюсь либо распечатать себе на цветном принтере, либо сохранить на компьютере. И как-то раз на мою коллекцию совершенно случайно нарвался Рождественский. Округлил глаза так, словно у меня в папке собраны не произведения искусства, а фотографии голых школьников.

А может, он и прав, может, я действительно люблю странные вещи.

– И в чем должна заключаться моя помощь? – поинтересовался я. – Помимо обычных дел, которые я делаю каждый рабочий день.

– Мне нужно, чтобы ты разговорил Смирнова, – ответил Сергей Юрьевич. – Ему совершенно плевать на суд, на обвинения, на все. Он молчит и не говорит. Я думаю, тебе удастся развязать ему язык, если ты заговоришь о его картине. Может быть, мы сумеем пронести картину к нему, чтобы вы предметно поболтали.

– Ну не знаю, – протянул я. – Я все же не специалист, а так, любитель.

– А я в изобразительном искусстве профан, – признался босс. – Для меня вся эта мазня на один лад. Ну, конечно, кроме тех самых рисунков, которые ты обычно рассматриваешь на компьютере в свое рабочее время.

Его недовольство тратой рабочего времени впустую я пропустил мимо ушей.

– Мне нужно посмотреть на эту картину, тогда, возможно, будет что сказать ее автору.

– Значит, завтра с утра встречаемся в СИЗО, я раздобуду фотографии. Теперь давай изучим фактуру, у меня много вопросов...

Мы занялись привычным делом. Я записывал вопросы и сразу накидывал план по их устранению. Мероприятия эти, кстати, большая тема адвокатов. Если у следствия есть все ресурсы и резервы для сбора улик, то у адвокатов с этим совсем туго. Нам приходится самостоятельно осваивать те или иные навыки, находить специалистов, консультантов, нужных людей, искать свидетелей, разговаривать с ними, уговаривать их... В общем, работа адвоката похожа на попрошайничество, в то время как следователи откровенно жируют, раздавая распоряжения и вынося постановления. На их стороне не только огромное количество разнообразных экспертов, но и власть. Вызывая свидетелей повесткой, они срывают граждан даже с работы, а адвокаты только и могут что упрашивать, давить на совесть или жалость.

В деле Смирнова действительно было много такого, от чего волосы на голове становились дыбом. Протокол осмотра места происшествия Рождественский читал монотонным голосом, то и дело прерываясь на дачу комментариев для меня.

Заинтересовало его многое.

Начнем с того, что место происшествия по эпизоду с тройным убийством – автомобиль. Экспертиза установила, что именно в салоне автомобиля жертвы были задушены. Сделать это оказалось просто – дети были пристегнуты к креслам на заднем сиденье, а мать была за рулем. Задушить человека нелегко, но дело упрощается, если человек без сознания. Судя по заключению эксперта, с Елизаровой Елизаветой Владимировной убийца именно так и поступил – сначала лишил сознания, а потом задушил, лишив жизни. Затем были дети. Впрочем, последовательность могла быть иной: сначала дети, а потом мать. Но тогда усложняется процесс, мать должна была оказать сопротивление, позвать на помощь... Но точно сказать невозможно: неизвестно место убийства, то есть где именно находился автомобиль, в котором убили мать и ее детей. Одно дело, если во дворе спального района, тогда да, женщина была бы первой жертвой, а если дело было на отшибе?... Так или иначе, следствие решило, что первая жертва – мать.

Труп Елизаветы Елизаровой и двоих ее детей убийца сложил в багажник и вывез в лес, где разделал и употребил в пищу. Как сказал Рождественский, не полностью, а фрагментарно. Трупы детей пострадали сильнее всего, что бы это ни значило.

Тело женщины было разделено на несколько частей и аккуратно упаковано в четыре черных пластиковых мешка, изуродованные тела детей лежали в одном.

И самое непонятное – у всех троих странная форма зубов. Четыре верхних и четыре нижних зуба как будто заточены. При этом у женщины были с собой накладные клипсы, которыми маскировались заостренные зубы, а у детей ничего подобного не наблюдалось.

Из протокола допроса Елизарова Дениса Альбертовича, мужа убитой Елизаветы и отца ее детей, узнать удалось немного. С Елизаветой он познакомился восемь лет назад, она практически сразу забеременела, сыграли свадьбу и жили счастливо до дня, пока его семью не убили. Больше никакой информации в протоколе не было – далее по тексту шла ссылка на статью 51-ю Конституции РФ, которая позволяла не свидетельствовать супругу против себя и своих близких.

– Если я все правильно понимаю, то муж должен был стать подозреваемым номер один, – сказал я.

– Верно понимаешь, – ответил Рождественский. – Именно так и думает Валуша. Она не верит, что этот Смирнов мог убить здоровую, сильную женщину. Он ведь хилый совсем. А вот муж жертвы, Денис Альбертович, идеально подходит под описание убийцы – больше ста двадцати килограммов, рост под два метра, сильные руки. Но экспертиза в пух и прах это все развеяла – жертву лишили сознания ударом в сонную артерию, а дальше справится даже такой дохляк, как Смирнов.

– Но ее нужно было до багажника дотащить, – возразил я. – И судя по описанию трупа, никаких следов волочения по земле на теле жертвы обнаружено не было.

– Значит, перенес на себе. Убитая Елизарова просто выглядит очень большой, а Смирнов – очень маленьким. На самом деле все не так уж и неправдоподобно. В ней веса меньше, чем в Смирнове, килограмм на пяток, я думаю. Кроме того, его силу никто не измерял.

– А алиби у мужа есть?

– Нет, никакого алиби. Он отказался давать показания. Следствие выясняет.

– Может быть, дождаться результатов этих проверок? Сейчас по базовым станциям сотовых операторов проверят, где он был во время убийства, и все.

– Ну пусть жена, а дети?

– Чужая семья – потемки, – ответил я. – Дадите руку на отсечение, что нет на свете людей, которые ненавидят своих детей настолько, что готовы убить их?

– Не дам, – ответил босс. – И нам стоит проверить их отношения. У Валюши мало что есть на Елизарова, в основном клинья под Смирнова подбиваются.

– Смирнов мог быть наемником.

– Новый сорт наемников – киллеры-людоеды? Смешно пошутил!

– А я и не шутил, – проговорил я. – Идеальный способ спрятать тело – съесть его.

– Перестань, – сморщился Рождественский. – Мы же не гипотетическое дело рассматриваем, а реальное. И тут речь о детях. А ты о таких предположениях... Есть логика в твоих словах, но хромая. Кости-то не съешь.

– Если хорошо проварить...

– Так, все, прекращай! Записывай в планы встретиться с мужем жертвы, прямо завтра, и поговорить с ним. Надо выяснить, какие у них с женой были отношения. И какого черта его жена себе и своим детям заточила зубы, как будто они вампиры какие-то...

Вот уж и правда, чужая семья – потемки. Если Роберт Смирнов, обвиняемый в тройном убийстве, всего лишь наемник, то кандидатура мужа должна рассматриваться следствием в первую очередь. Но был ли у Елизарова мотив убивать жену и детей? Практика говорит: да, мог такой мотив быть. Чаще всего, конечно, дело касается супруги, дети – реже, но и такое случается.

Следователь Валентина Семеновна Ховенко – дама ответственная, просто так человека не обвинит. Но и не отпустит. Если у нее есть подозрения, что Елизаров заказал убийство своей семьи, то она уже давно все разрыла под ним и вокруг и нашла дохлую собаку. Если же муж ни в чем не виновен, то почему не ответил на вопросы следователя, почему сослался на 51-ю? Не просто так он пытается что-то скрыть. Но Елизаров на свободе, а это значит, что мертвого животного в земле вокруг не было. Но проверить все же стоит. Вдруг следователь все же нашла что-то на Елизарова, но доказательств достаточных нет? По закону она не может ничего утаивать и обязательно должна истолковать в пользу обвиняемого, то есть Роберта Смирнова. Но кто же себе будет могилу рыть? Человека обвинили, под стражу заключили, а виновен, может быть, совсем другой! Так не делается.

На месте преступления были обнаружены отпечатки пальцев Роберта Смирнова, на телах жертв их было в избытке. Но самое главное доказательство, которое убедило правоохранительные органы в том, что Роберт Смирнов должен предстать перед судом, – в квартире, которую снимал Смирнов, нашли фрагменты тел жертв в морозильной камере и кровь – в сосудах рядом с мольбертом. Экспертиза установила, что в составе красок, которыми написано полотно на мольберте, содержится не только кровь жертв, но и измельченные фрагменты их тел.

Описание самой картины было скупым: «Два темно-бордовых круга на черном фоне, в центре каждого круга ярко-красная точка, размер полотна 90 x 90 см». Больше в квартире не было ни единой картины, ни набросков, ни каких-либо следов присутствия других рисунков. Что довольно странно.

Я помню, как меня поразила тяга к написанию картин. У меня была совершенно определенная идея – я хотел запечатлеть неземной красоты девушку и решил написать ее портрет. Меня так захватил азарт творчества, что я и не заметил, как моя комната превратилась в свинарник – кисточки, краски, палитра, мольберт, наброски, черновые варианты – все валялось по углам, на кровати, в кресле, было составлено за дверь, запихнуто под стол. Гора мусора росла в астрономических масштабах, а дело не двигалось – на полотне было всего пара набросков. Пока я решал, какой поворот головы сделать, какую одежду написать, какой фон, – прошло три месяца, улетело пятьдесят тысяч рублей, и квартира захламилась. Все очевидно: один набросок на черновике порождает три-четыре новые мысли, которые тут же пачкают новую бумагу, в расход идут палитры, кисти и краски – упаковки и тюбики улетают только так. А решения все нет и нет. В итоге я сдался и вывез из квартиры три мешка мусора.

Возможно, такое захламление характерно только для меня, но вспомните, как показывают художников в фильмах. Это всегда ополоумевший творец в трусах и грязной майке, в окружении коробок из-под пиццы, пустых бутылок из-за пива и завалов какого-то тряпья, картин, банок и склянок. Очень странно, что ничего подобного в однокомнатном жилье Смирнова не наблюдалось. На фотографиях квартиры мольберт стоит картиной к стене в чистом углу. Рядом с картиной обычный табурет, на котором банка с мутно-розовой водой, тряпочка, несколько пузырьков с красной краской (как утверждают эксперты – с добавлением крови), испачканная палитра, все. На остальных фотографиях запечатлен холодильник и находка в нем.

Вся одежда Смирнова была исследована на предмет обнаружения следов крови, и их нашли только на той одежде, которая была на подозреваемом.

Я понимаю, какую линию защиты выберет Рождественский. Все улики указывают только на то, что Роберт Смирнов использовал фрагменты тел и крови жертв, но доказательств убийства у следствия нет. Конечно, как он добыл материалы для своих целей, большой вопрос, но положить этот вопрос в основу обвинительного приговора нельзя, ни один адвокат этого не допустит.

– Свидетелей нет? – спросил я у босса, который в задумчивости читал материалы дела, пока я разглядывал фотографии.

– Есть несколько свидетелей, они и сдали Смирнова, но это соседи. Они видели, как Смирнов заходил домой в перепачканной чем-то красным одежде, в руках нес пакет, с которого такое же красное капало. Он всегда казался соседям странным, поэтому они сначала не обратили особого внимания на это, а потом тревога кого-то все же доела, и вызвали полицию.

– Полиция приехала, и Смирнова арестовали?

– Да, и он показал, где спрятал тела. Отвел их в лес.

– Сам?

– Да, представь себе.

– Я не вижу протокола допроса подозреваемого и обвиняемого... Его не допрашивали, что ли?

– Посмотри внимательно, там на одном листе все. Он отказался давать показания. Все показал, все рассказал, а протоколы подписать отказался.

Рождественский полистал дело, нашел нужный протокол и показал мне. Действительно, протокол допроса подозреваемого с отсутствием сведений, лишь указание, что Смирнов отказался давать показания. То же самое с протоколом допроса в качестве обвиняемого – один в один.

Дознания по настоящему уголовному делу не было, но оно и понятно. Дознание проводится по уголовным делам небольшой и средней тяжести, когда известен субъект преступления, то есть преступник, и нужно лишь собрать и оформить доказательства. Когда дело касается преступлений тяжких и особо тяжких – проводится предварительное расследование,

полноценное процессуальное действие, где результатом является обвинительное заключение, которое затем отправляется в суд.

По факту убийства матери и ее двоих детей было возбуждено уголовное дело и инициировано предварительное расследование. То есть преступление особо тяжкое, в форме дознания его не расследуешь.

Тела были обнаружены поздно вечером 27 мая, и сразу же было возбуждено уголовное дело. А утром 28 мая Роберт Смирнов был задержан и допрошен в присутствии дежурного адвоката. Собственно, этот адвокат и дальше должен был участвовать в уголовном деле, вплоть до суда, но у него лопнула аневризма в ночь на первое июня, он жив, но состояние тяжелое, а других свободных адвокатов в палате не оказалось, и его дела передали нам.

Адвокат Самойлов Петр Степанович был древний старик. Я видел его несколько раз в суде – ему лет сто, не меньше. Он говорил очень тихо, двигался очень медленно и так же медленно соображал. Его жена, Степанида Иннокентьевна Самойлова, также адвокат, того же возраста, но они – небо и земля. Степанида Иннокентьевна живая, быстрая, острая на язык и суждения, но практикует гражданское право и в уголовных делах практически не участвует, кроме того, состоит в другой палате, не в той, что ее муж, поэтому дело к ней не перешло.

Но это все – лирика. Да, Рождественскому против шерсти работать государственным защитником, он потеряет кучу времени на всем этом и не заработает тучу денег. И если бы дело того не стоило, он бы потратил не один коммерческий час, чтобы свалить Роберта Смирнова на кого-нибудь другого. Но дело серьезное, страшное и резонансное. На нем будет легко повысить паблисити, а что может быть приятнее дорогостоящему адвокату? Рождественский может позволить себе взять это дело *pro bono*, то есть бесплатно, и добавить очков в переполненную корзину. За последние полгода он лишь трижды попадал в прессу, а в «Российской газете» его имя уже давным-давно, то есть с прошлого года, не публиковалось. В общем, звезды сошлись.

Не стану говорить, что мне это дело неинтересно. Нет, это будет ложью. Я люблю сложные дела. Но интуиция не давала мне покоя: я чувствовал, что это дело сулит нам неприятности.

Оглядываясь назад, я признаю: надо было к себе прислушаться. Надо было взять на себя труд подумать: зачем мне все это нужно? Я уже смело могу идти сдавать экзамены и становиться самостоятельным адвокатом, начинать свою практику в арбитражном и гражданском процессах. В общем, там, где жизнь людей оценивается не в годах заключения, а в валютных единицах.

Надо было, но я втянулся в это дело, в связи с чем у меня вопрос к моему ангелу-хранителю: на чьей ты стороне, а?

* * *

Еще стоит сказать, что в тот момент я был не совсем в себе из-за моей личной жизненной ситуации. Я не знаю, чем думал Рождественский (скорее всего, тем самым органом, который отвечает за PR), а я не мог соображать трезво.

Для меня работа в тот летний месяц была единственной возможностью не думать о событиях, которые разыгрались в моей семье.

Женился я очень рано – в восемнадцать лет. Нас с Жанной познакомила тяга к искусству. Мы учились в одном университете – МГУ, я на факультете юриспруденции, а она на искусствоведческом. Вырос я в обеспеченной семье, как и она, и поэтому учебой занимался с полным погружением в процесс. В университет приезжал к половине восьмого утра и уезжал около десяти вечера, все пять лет я провел либо в помещениях вуза, либо в его окрестностях. То же самое можно сказать и про Жанну.

Когда я поступал в университет, то метался между искусством и юрфаком, но в конце концов выбрал юридический, посчитав, что искусствоведом много не заработаешь. А тяга к

независимости у меня впиталась с молоком матери. Я жил на полном финансовом обеспечении родителей до самого окончания университета, но тщательно записывал каждую сотню полученных рублей и после выпуска два года отдавал долг. Родители противились деньгам, но потом поняли мое стремление и молча принимали платежи. Не сказать, что наши отношения из-за этого расстроились, но менее теплыми они, конечно, стали. Но я не об этом. Я о Жанне.

Жанна была звездой факультета. Она устраивала выставки, искала художников-самородков и публиковала их работы. Она на первом же году учебы стала редактором отдела искусства вузовской газеты и тянула эту лямку до самого выпуска. Она занималась тем, что ей действительно нравилось.

Я не мог пройти мимо, потому что живопись меня интересовала как таковая. И это не осталось незамеченным со стороны Жанны. Я ходил на каждую ее выставку, покупал картины и альбомы с репродукциями, которые выпускало издательство ее газеты, писал отзывы о каждом организованном ею мероприятии. И естественно, я был совершенно из другой вселенной – юрист-первокурсник, потенциально состоятельный человек, интересующийся искусством. Видите, да? Есть общее увлечение, но при этом профессионалом в этом будет только она. Плюс я не какой-то там нищий художник (ведь художники сытыми не бывают), а перспективный студент. Я звездой на потоке не был, но учился отлично. То есть я был выдающимся студентом, но не медийной личностью – про меня не писали в нашей газете, я не выступал с публичными докладами, не выпендривался на семинарах со знаменитостями. Я просто был отличником.

Плюс я очень симпатичный: мужественное лицо с волевым подбородком, густые черные волосы, без залысин и редеющих областей, стройная фигура (хоть и моей заслуги здесь ноль, просто хороший обмен веществ) и ровные белые зубы. В общем, внешность привлекательная. И речь грамотная, манеры.

Жанна же создание небесное. Невесомая как пушинка, миниатюрная, сияющая. Вокруг нее как будто ореол свободы и чистоты, а в ее присутствии даже материться неудобно, словно это может оскорбить чувства верующих. У нее маленькое упругое тело, я до сих пор уверен – без единого недостатка. Грудь, бедра – как с обложки журнала MAXIM, а лицо так и просится на большой экран. Огромные голубые глаза, смотрящие на мир с наивным вызовом, шикарные светло-русые волосы, ниспадающие ниже плеч каскадом упругих волн... Если вы завладели ее вниманием, то оно будет всецело посвящено вам. Она будет говорить так, словно больше никого на свете и не существует, никогда не перебьет, никогда не отвлечется. Все вокруг становится тихим и размеренным, мир замирает, и не важно, о чем беседа – о погоде или об очередной картине, которую она обнаружила и желает показать всем. Жанна Бунина очень комфортный человек, рядом с ней нет спешки и нервозности. Оплот спокойствия и красоты. И пахнет она потрясающе.

Мы поженились в конце первого учебного года, в апреле. Ее и мои родители помогли не только сыграть свадьбу, но и обеспечили нас жильем – однокомнатной квартирой возле Ботанического сада. Жанна придерживалась моего мнения – деньги родителям нужно отдать. Но здесь родители были непреклонны: это подарок на свадьбу. Но мы все равно твердо пообещали себе отдать деньги.

Хотя я не представляю, как это сделать сейчас.

Четыре года учебы пролетели незаметно. Мы проводили много времени вместе – встречались между парами и в свободное время, когда каждый занимался своей научной деятельностью в университете. Я по-прежнему ходил на все выставки, и мне это доставляло огромное наслаждение. Я был не просто гостем, я был мужем девушки, которая была центром внимания всей этой богемной тусовки.

В армию меня не взяли, но я не скажу почему, эта причина личная и не очень благозвучная, останется тайной. После университета я начал работать у Рождественского, а Жанна

ждала ребенка. Она забеременела на пятом курсе, и мы ждали малыша к Новому году. Но не сложилось, у Жанны случился выкидыш.

С огромным трудом, но мы это пережили. Нам помогали друзья и родители. Я боялся не только за здоровье Жанны, но и за наш брак. Я любил ее и люблю до сих пор, и сама мысль, что что-то нас может разлучить, для меня мучительна.

То страшное для нашей семьи событие осталось в прошлом. Нельзя сказать, что все хорошо – ведь ребенка мы потеряли, но здоровье Жанны постепенно восстановилось. Хотя о ребенке мы разговора больше не заводили.

Жанна начала строить свою карьеру. Она сразу отвергла мысль работать на кого-то и не захотела стать сотрудницей музея, хотя ее звали и в Третьяковскую галерею, и в Лувр, где она работала несколько летних месяцев волонтером.

Жанна решила организовать свой бизнес, стать арт-дилером. И мы вдвоем погрузились в это дело. Ей требовалась помощь в оформлении документов и юридическом сопровождении сложного вида деятельности, связанного с интеллектуальной собственностью. В то время только-только приняли новый закон – четвертую часть Гражданского кодекса, и многое было непонятным. Кроме того, Жанна сразу решила отказаться от «серой» деятельности, полностью выбелив бизнес, который а priori белым не был. Мне пришлось вникнуть в сам бизнес, чтобы понять, как сделать его «белым». Я это сделал, и Жанна в сентябре 2012 года открыла свою компанию Bunina Art Incorporation, которую мы зарегистрировали на Виргинских островах с представительством в России.

Это вполне легально – на Виргинских островах нет НДС, нет налога на прибыль и доходы физических лиц, очень низкая плата за создание компании и ее поддержку, а регистрация занимает один день. Там есть ежегодная пошлина, которая тоже настолько низкая, что даже в расходы ее ставить стыдно. Конечно, в России пришлось уплатить изрядную часть налогов и зарегистрировать постоянное представительство, но это все равно вышло дешевле и менее трудоемко, чем открывать российское юридическое лицо.

С момента открытия своей компании Жанна не совершила ни одной сделки в России. Все ее клиенты оказались зарубежными ценителями искусства, и так получилось, что она стала ориентироваться на европейский и американский рынки. В первый же год она сделала два десятка продаж, которые принесли ей десять тысяч долларов чистого дохода! Я был поражен и очень рад за нее. Жанна буквально влилась в работу, это стало для нее большим, чем просто способ добывания денег.

Она стала часто летать в командировки – Лондон, Париж, Нью-Йорк, Люксембург. Бывала там не больше двух-трех дней и возвращалась счастливая, с новыми планами и идеями. За два года она обросла постоянными клиентами, которые приносили ей хороший, стабильный доход.

В прошлом году она открыла две галереи в Европе – в Париже и Лондоне. Французскую галерею она назвала своим именем – Bunina Art Gallery, а британскую именем совладелицы и делового партнера – Полины Морозовой – Morozova Art Gallery.

Открытие галереи в Париже стоило нам двух месяцев разлуки.

И понимания, что я без Жанны не могу, а она без меня может.

Я долго пытался исправить ситуацию, как-то повлиять на жену, но безуспешно. Осознав, что я больше не являюсь для нее человеком, без которого она не может, Жанна стала отдаляться. Она не стремилась домой, перестала сама мне звонить и писать, отвечая только на мои звонки и сообщения. Она все чаще уезжала в командировки, и все чаще в Париж, и меня с собой не звала. А когда все только начиналось, у нас доходило до скандалов – она требовала, чтобы я был рядом, а я не всегда мог взять отпуск. Но о разводе речи не шло. Как и о ребенке.

Началом конца стал тот день, когда я понял, что с Жанной что-то не так.

Она стала рассеянной, это сразу бросилось в глаза, но масштабов я не осознавал долгое время.

Она никогда не забывала ключи, зонт, сумку и прочие важные мелочи. У нее никогда не было «синдрома несобранности», когда не знаешь, куда положил кошелек и где взять носки. У нее все всегда было строго разложено по полочкам, даже мои вещи. Жанна всегда точно знала, что дома лежит в холодильнике, а что нужно докупить для ужина. Она не пропускала важных событий в нашей жизни – дней рождений, годовщины знакомства, годовщины нашей свадьбы. За ней такого не водилось отродясь.

И вот в апреле Жанна забыла, что у нас десять лет со дня свадьбы. Я подготовил для нее шикарный подарок – платиновое кольцо и сережки в тон, выполненные из тонкого металла с изящным кружевом и россыпью бриллиантов. Я долго ждал вечера, чтобы отпраздновать это событие, заказал столик в ресторане, пригласил ее на семь вечера. Она пришла, опоздав на час, не отвечая на мои сообщения. Просто села напротив меня и раскрыла меню. Я подумал, что это игра, и подыграл ей. А когда в конце вечера вручил ей подарок, она разрыдалась. Сказала, что забыла, что вылетело из головы, что много работы. Долго извинялась.

А утром на следующий день она сказала мне, что нам нужно подумать о том, как мы будем праздновать нашу годовщину. Я смутился, ответил, что это вовсе не обязательно и всякое случается. И Жанна очень удивилась, сказав, что не ожидала от меня такой реакции и не понимает, почему для меня этот день не является событием, достойным празднования. Я долго не мог понять, что она забыла про вчерашний вечер, а когда понял, похолодел. Я все ей рассказал, и Жанна снова заплакала. Она сверилась с календарем, долго рассматривала подаренный мной ювелирный набор и не переставала плакать.

И призналась, что у нее проблемы не только с памятью.

Она начала путаться в рассуждениях, у нее стало сложно с логикой. Она видит кошмары, которые кажутся ей такими явными, что она еще полдня после пробуждения боится. У нее вылетает информация о сделках и договоренностях, и записи не помогают: она как будто видит их впервые и не может понять, что ей нужно сделать.

– Я пишу: «Встреча с Дешерье, в двенадцать», но когда наступает время встречи, я читаю запись и не понимаю, кто такой Дешерье, где встреча и по какому поводу! А если пишу очень подробно, то все равно не могу вспомнить – зачем я должна встретиться и что должна сделать! Как будто эти записи делал кто-то для себя, а достались они мне! – рассказывала Жанна.

И ситуация ухудшалась с каждым месяцем. Легкую рассеянность Жанны я заметил еще в начале года, но списывал на занятость, стресс и прочее. Но когда она стала забывать надеть пальто и сапоги, выходя из дома в одном платье, и потом возвращалась в слезах, я всерьез обеспокоился. Это ведь ненормально?

Мы обратились к врачу. Несколько недель Жанна проходила обследование. Я ходил на каждую беседу с лечащим врачом-психиатром. Он успокаивал нас, говорил, что страшные вещи в психиатрии начинаются не так и текут не так остро, скорее всего, у Жанны просто невроз или что-то вроде этого. Но и меня, и Жанну беспокоили все более яркие проявления ее болезни: она просыпалась ночью от кошмаров, и не всегда мне удавалось ее быстро успокоить. Она бредила во сне и еще очень долго после пробуждения тряслась у меня в объятиях, бормоча что-то бессвязное. Она стала все чаще спотыкаться в речи, путала события и даты, не могла сконцентрироваться и постоянно плакала.

Если взять отдельный день, то ее проблемы не были такими уж явными и обременяющими. Ну забыла кое-что, ну перепутала. Ну стала заикаться, теряя мысль по дороге и переключаясь на другую... С кем не бывает? Но есть страшная вещь: время. Оно склеивает мелкие лоскуты в целостное полотно, игнорировать которое можно только до поры до времени. Не заметить его не получится – оно уже укутало тебя со всех сторон, да так плотно, что не видно света. Регулярно повторяющиеся вещи, сами по себе ничего не значащие, создают страшную

картину в целом. С течением времени стало ясно: это невыносимо. У нас не было секса, мы не говорили про ребенка, не строили планов. Полина Морозова вплотную занялась галерей в Париже, поддерживая подругу, но все понимали – Жанне нужно снова в строй, иначе бизнес придется продавать Полине, ведь она не может вечно управлять обеими галереями, получая доход только в своей части.

Я как будто погрузился в сюрреалистический сон, где моя светлая, нежная жена стала испуганным зверьком, которого заперли в собственном теле и не дают ни еды, ни воды. У нее совершенно пропали аппетит, интерес к жизни и к домашним делам. Она лежала в постели, плакала и боялась. Изредка у нее случались хорошие дни, когда она включала компьютер и работала, но это была уже не та Жанна. В ней не было радости и азарта, с которыми она раньше занималась своим делом. Полина держала оборону и работала за двоих. Я разговаривал с ней и видел, что она действительно бескорыстно помогает, но и ее силы на исходе, бесконечно перемещаться между тремя городами – Москва – Лондон – Париж – она не сможет.

Тучи сгустились, Жанну все сильнее утягивало в водоворот болезни, я как мог старался держать ее на плаву. Говорил ей ласковые вещи, устранял последствия ее рассеянности и забывчивости, прикрывал перед родными и старался окружить заботой и любовью сильнее, чем когда-либо. Но меня все меньше тянуло домой. Я боялся застать там Жанну окончательно обезумевшей. И все же я надеялся на лучшее, верил, что это какая-то временная беда, которую мы вылечим и переживем.

Но все рухнуло в тот момент, когда Жанне поставили окончательный диагноз. Для меня он оказался фатальным: schizophrenia.

* * *

Денис Альбертович Елизаров и вправду выглядел устрашающе. На вид ему было под пятьдесят лет, огромное тело – взглядом не объять, голова совсем лысая, если не считать несколько залезанных набок волосин. Лоб покрыт испариной, крупными каплями. За версту разит алкоголем. Дверь он нам открыл в домашних штанах с вытянутыми коленями и в футболке с желтыми разводами.

– Денис Альбертович? – спросил Рождественский. – Меня зовут Сергей Юрьевич Рождественский, а это мой помощник Виктор Черемушкин, он вам звонил и назначил эту встречу.

– Здравствуйте, – устало ответил Елизаров и протянул пухлую влажную ладонь поочередно каждому. – Входите. Прошу прощения за беспорядок и за то, что не согласился встретиться где-либо еще, как видите, я не в состоянии выходить в люди.

– Ничего страшного, благодарю, что согласились с нами побеседовать.

– Ну чего вы стоите, входите же.

Мы вошли вслед за хромающим хозяином. Денис Альбертович велел не снимать обувь и пройти прямо в ботинках на кухню. Квартира была в удручающем состоянии. На первом этаже всегда отдает сыростью и запахами из подъезда. Везет, если в доме нет мусоропровода, тогда помойкой не пахнет. Но этот дом был десятиэтажным и помойкой воняло. А еще воняло застарелым потом, нестираными вещами и чем-то кислым, рвотой, что ли?.. Всюду горел свет, шторы были задернуты.

Это была однокомнатная квартира, захламленная донельзя. Каждый сантиметр на стенах использовался – картины, какие-то африканские маски, кронштейны, на которые крепились техника или полочки под вещи, были еще и мягкие полки, которые свисали с потолка, набитые тюбиками и пакетиками, игрушками и свернутыми в трубочку книгами в мягких обложках. Под потолком змеей на всю площадь коридора и комнаты тянулась полка, на которой стройным рядом стояли книги, покрытые пылью. Пол был устлан коврами внахлест, и песком поскрипывало при каждом шаге. Кухня, куда повел нас хозяин квартиры, поражала своими габаритами

– огромная! Метров двадцать, не меньше. Здесь стоял огромный стол, вдоль стены – холодильник, кухонная стенка и плита. Вторая зона в кухне была спальноей – большой диван. Судя по всему, именно в этом пространстве Елизаров и обитал – вокруг дивана валялись пустые бутылки из-под водки, коробки из-под жареной курицы и гамбургеров, кучи смятых салфеток и доверху набитая пепельница размером с приличный тазик. В этом помещении пахло бомжами – запахом невымытого тела, мокрыми бычками и кислятиной.

– Я уже извинился за беспорядок, – сказал Елизаров, проследив за моим взглядом.

– Мы можем вам помочь с уборкой, – предложил я. – У вас, наверное, нет сил убрать все это? Мешок найдется?

– Зачем? Мне все равно.

– Я хочу вам помочь. Мне не сложно.

Честно говоря, я с трудом представлял себе, как возьму в руки все эти объедки, но помочь следовало. Этот человек потерял всю свою семью. А мы – защитники человека, который, возможно, виновен в их гибели. Елизаров в принципе мог с нами не разговаривать, но он согласился. Чем-то нужно отплатить. Мы договорились с Рождественским, что я проявлю максимум заботы, чтобы не тратиться на умасливание. Обычно родственники жертв требуют денег с адвокатов за разговоры, но это дело и так было *pro bono*, на расходы не было совсем.

Хотя Рождественский не разорился бы от тысячи рублей! Но у него какая-то странная система расчета доходов и расходов, он ведет идеальную бухгалтерию, и если в деле нет денег на какие-то расходы, то он никогда не возьмет деньги из доходов по другим делам. Может, оно и правильно. Хотя я так не считаю. Но у меня и нет столько недвижимости и денег, видимо, Рождественский все же прав, раз ему удалось столько заработать и скопить. Надо будет поспрашивать его про управление своими финансами...

Ну да черт с ним. Уборка действительно поможет сильнее. Если вы впали в депрессию или вам кажется, что все вокруг рушится, – уберитесь, выбросьте старые вещи, которые видите впервые или давно ими не пользовались. Это помогает, по себе знаю.

Елизаров нехотя выдал мне огромный мусорный мешок и разрешил выбросить все, что мне захочется, только из этого помещения, не из комнаты. Там трогать ничего нельзя. Я собрал сначала весь мусор – пустые коробки и бутылки (сплошь из-под водки), тонну салфеток. Пока Елизаров с помощью Сергея Юрьевича готовил кофе, он умудрился накидать вокруг себя еще три кучки мокрых от пота салфеток, которые также отправились в пакет. Я довольно быстро все собрал и вынес мешок на помойку. К моему возвращению в кухне уже были раздвинуты шторы, и на подоконнике обнаружился стройный ряд бутылок, в которые доверху были натканы бычки и присохшие салфетки. Наполнился еще один мешок.

Я изрядно умаялся выскрести из-под дивана комочки салфеток и бычки, куски подсохших куриных ножек и подгнивающие салатные листья из неаккуратно съеденных гамбургеров. Но когда я закончил (третий мешок также доверху был наполнен и отправлен на помойку), в кухне стало свободно и светло. И дышалось легче. Тут, конечно, сделать бы влажную уборку и даже можно жить. Ремонт был сделан, судя по чистым обоям, совсем недавно, а под ковром обнаружился вполне приличный паркет.

– В такую жару стоит убрать ковры, – посоветовал я. – Из-за них вам жарче и кажется, что пыльно. Хотя не кажется, тут действительно пыльно.

– Спасибо вам за заботу, – ответил Елизаров и благодарно улыбнулся. – Возможно, я вдохновлюсь, протру полы и выброшу ковры... Это моя жена любила ковры, а мне всегда больше нравились голые полы. Вы о чем поговорить хотели?

– Я ознакомился с материалами уголовного дела, – сказал Рождественский, – и обнаружил странную вещь. Вы рассказали о своей семье, а потом сослались на пятьдесят первую статью Конституции, которая позволяет вам не свидетельствовать против себя и своих близких, и отказались отвечать на вопросы следствия.

– Все так, – согласился Елизаров и сделал глоток кофе.

– Прежде чем мы приступим к нашим вопросам, я хотел бы выразить вам наши соболезнования.

– Спасибо.

– Также я хотел бы сказать вам, что все мои вопросы будут заданы для того, чтобы прояснить ситуацию, и я не скрываю, что работаю в интересах Роберта Смирнова, подозреваемого в убийстве вашей жены и ваших детей. Вы согласны поговорить со мной?

– Да.

– Благодарю вас, я буду использовать диктофон только для того, чтобы не упустить ваших слов. В материалы дела это не пойдет. Приступим?

– Да.

– Какие отношения у вас были с женой?

Елизаров прикрыл глаза и проговорил:

– Мне сложно отвечать на вопросы о моей семье. Я не думал, что это будет сложно. Если позволите, я с закрытыми глазами просто расскажу вам все, что считаю нужным, а вы спросите потом, если я что-то упустил. Хорошо?

– Да, если вам так проще, давайте.

Конечно, Елизаров рассказал все то, что он считал важным. Для нас это было не столь важно, но позволило немного понять эту семью. Да, порой семьи выглядят более счастливыми, чем есть на самом деле. А иногда бывает и по-другому.

* * *

Свобода – девиз семейного счастья Елизаровых. Сам Денис Альбертович воспитывался в ортодоксальной патриархальной семье, где отец был главой всему. Инженер на атомной станции, он требовал уставной дисциплины от всех домочадцев. Под полным тоталитарным контролем воспитывались двое детей – Денис, старший, и его сестра Лариса, уехавшая в Израиль, едва ей исполнилось восемнадцать лет.

С самого детства у Дениса был нарушен обмен веществ, и он всегда был толще всех своих сверстников. Это заложило глубокий комплекс у парнишки, поэтому в институте он был одинок и обделен женским вниманием. Дома он был окружен заботой и лаской матери и строгим контролем отца за успеваемостью. Именно поэтому Денис Елизаров с отличием закончил тот же инженерный факультет, что и его отец, и устроился на ту же атомную станцию, в подмастерье к отцу. Поскольку личная жизнь у молодого Елизарова отсутствовала полностью, он с головой погрузился в работу, чем радовал родителя.

Когда отец умер, лучшей кандидатуры на его должность, чем его сын, руководство станции не нашло, и Денис Альбертович стал главным инженером атомной станции в двадцать пять лет.

И сразу же женился. Елизавета, невеста Дениса, карьеристкой вовсе не была. Она эпатировала весь офис станции своими фиолетовыми волосами, откровенными нарядами и длинными ногтями. Иногда она устраивала иностранные дни и общалась с коллегами только на английском или французском языках, и только Денис ее понимал, поскольку по требованию отца выучил и английский, и французский, и немецкий языки. Собственно, это помогло ему не только в работе, но и в личной жизни. Лизу никто не понимал, а Дениса она притягивала. Своей свободой, своим желанием быть не такой, как все. Она любила жизнь и эпатировала публику, чтобы никто не сомневался, что у нее не все дома. Денис был без ума от нее. Лиза обратила на него внимание, когда он переехал в кабинет отца, и практически сразу у них случилось все – и первое свидание, и первый секс (на самом деле первый в жизни Дениса!), и беременность.

Было принято решение рожать ребенка в своей квартире в браке. Ипотека, регистрация брака, роды...

С момента, когда Денис стал женатым человеком, его карьера пошла резко вверх. Он стал зарабатывать больше, дома его ждали полная свобода и независимость от стереотипов. Лизу устраивало не только объемное тело мужа, но и его стремление стать не таким, как все. Они вместе делали татуировки, экспериментировали в постели, покупали разные вещи, путешествовали в экзотические страны. Мама Дениса, став вдовой, ушла в монастырь, переписав свое имущество на сына, и попросила ее больше не беспокоить. Денис смирился. Да, поначалу он очень хотел, чтобы у его ребенка была бабушка, но родители Лизы окружили молодого человечка такой заботой и любовью, что в новоиспеченной монашке никто не нуждался. А она не нуждалась ни в ком. Денис не знает, жива ли мать, он не навещал ее уже много лет.

Потом случился второй ребенок и новый виток карьеры и свободы – чета Елизаровых путешествовала вдвоем, оставив детей на попечение пенсионеров-родителей Лизы, которые вовсе не были против. Свобода окрыляла, вдохновляла и раскрепощала. Их квартира стала тесной, захламленной, в ней появилось много всяких вещей, которые были совсем не нужны, но раз привезены и поставлены на место, значит, должны стоять там.

Домохозяйкой Лиза была никудышной. Уюта и тепла в их доме не было, еда была из ресторана или фастфуд, даже детям. Начались проблемы с желудками, пищеварением, лишний вес. Лиза, и без того крупная, начала стремительно округляться. Денис заплыл жиром до того, что ему стало тяжело носить свое тело. Нужно было что-то менять, но ведь свобода позволяет все, даже быть толстым и неповоротливым.

Денис предложил жене пересмотреть их девиз по жизни и взять себя в руки. Грустно осмотрев свое жилище и свои тела, они отправились к семейному диетологу и сели на диету. Но не выдержали и двух месяцев, хотя результаты шокировали даже врача – они стремительно теряли вес даже после того, как ушла вода. У них был потрясающий метаболизм, о котором мечтают все люди с лишним весом. Но чета Елизаровых успокоила себя тем, что они любят друг друга и такими, и снова стали есть бессистемно и не считая калорий. Вес, болячки, хандра – вернулись.

– И в один момент мне все надоело, – признал Денис. – Вот просто все. Мне надоело быть толстым. Надоело смотреть, как мои дети жрут еду словно свиньи. Надоело жить в грязи. Надоело чувствовать себя плохо. Хотелось другой свободы – от грязи, лишнего веса, вседозволенности. Захотелось просто жить обычной жизнью.

И это стало камнем преткновения в семье. Каждый теперь воспринимал свободу по-своему. Лизе хотелось экспериментов в постели с другими мужчинами и женщинами, а Денис сгорал от стыда. Ей хотелось больше приключений, а Денису – квартиру посвободнее. Дети любили мать, потому что с ней было все можно, а Денис хотел, чтобы они учили языки с раннего возраста, потому что это действительно важно в жизни. Он давно бросил работу на атомной станции и перешел в немецкий концерн по производству технологического оборудования, и зарабатывал еще больше.

– Я предложил Лизе вернуться на работу. Все же работать – это быть в обществе, заниматься полезным делом... И как-то держит в узде, что ли?.. Но она не соглашалась. С финансами все было неплохо, но если бы мы оба работали, скопить на квартиру побольше получилось бы меньше чем за год. От мамы досталась квартира, она просто переписала ее на меня перед уходом в монастырь, но мы ее не продавали и не переезжали в нее. Лиза не хотела. Она не хотела квартиру больше, она загорелась идеей сделать из нашей квартиры шурбал – жилище ацтеков, но не простых, а ацтеков-каннибалов. Ее привлекала их культура...

– Как вы сказали? – впервые задал вопрос Рождественский.

– Да, Лиза увлеклась этим течением. Без меня, мне было неинтересно, да и некогда. Она ездила на их собрания и встречи, слушала про эту народность, их культуру и жизненные устои.

Они вдохновляли Лизу. Она даже заточила зубы себе и детям. Мы тогда сильно поругались, потому что я был против. Но Лизу нельзя было переубедить. Хотя это шло вразрез с философией свободы, дети ведь не могли адекватно выбирать, надо им это или нет. Они ведь еще маленькие.

– А в этом обществе не совершали противозаконных действий?

– Нет, если вы думаете, что они загрызали людей, то нет. Никакого человеческого мяса в пищу они не принимали.

– Как вы можете быть уверены в этом?

– Потому что ацтеки-каннибалы – народ непростой. Чтобы стать каннибалом, нужно быть не младше восьмидесяти лет и иметь определенные достижения, которых в нашем мире добиться нельзя. Например, есть мясо людей можно только тем ацтекам, которые участвовали в охоте на кита, успешной охоте, которая закончилась тем, что тушей кита питались бы многие люди долгое время. Там весь смысл направлен на то, чтобы быть максимально полезным обществу, тогда их Карасара, богиня, позволяет есть мясо себе подобных. В общем, к каннибализму это общество имеет весьма опосредованное отношение. Разве что в названии.

– Это секта?

– Нет, – отмахнулся Денис, – скорее, клуб по интересам. Они читают рукописи, книги, смотрят фильмы и рассматривают картины тех времен.

– Вы считали, что ваша жена перегибает палку? Что ей требовалась помощь? – задал вопрос Сергей Юрьевич.

– В каких-то моментах, конечно, она перегибала. Но нам удалось договориться. После того инцидента с зубами детей мы договорились, что подобные вещи будем решать только вместе, и она согласилась.

– У вас были конфликты?

– В последнее время – да.

– На почве чего?

– Ацтеки-каннибалы стали очень навязчивыми. Не само общество, а некоторые представители. Обычные члены их клуба. Они стали подолгу сидеть в гостях, начали давать советы, как нам жить. Меня это раздражало. Лиза их слушала. Это сильно напрягало.

Денис прикладывался к бутылке через каждые пять-десять минут. Причем делал внушительные глотки. Опьянение начало его подкашивать, и он стал говорить короткими, отрывистыми фразами. С каждым глотком он потел сильнее, и пространство вокруг нас обросло салфетками.

Для меня было немного странно, что Денис не выглядит безутешным отцом, потерявшим двоих детей. И убитым горем вдовцом он не выглядел. С другой стороны, каждый человек переживает горе по-своему, и, если в этот самый час, что мы сидим с ним, он не рвет на себе волосы, это не значит, что ему не больно.

Рождественский что-то быстро записывал себе в блокнот, не переставая кивать на каждое отрывистое слово Елизарова. Мне было жарко, несмотря на открытое окно, удушливый запах пота вперемежку с алкоголем делал свое дело. Я ослабил узел галстука и скинул ботинки, чтобы дать ногам подышать.

Рождественский же сидел полностью упакованный и даже не покраснел.

– Как вы относитесь к обвиняемому?

– Вы имеете в виду этого чокнутого художника?

– Да.

– Мне на него глубоко похер. У меня случилось горе, но не он в этом виноват. Не знаю, где там глаза у следачки, но вы сами-то его видели? Хиляк! Он бы не справился с моей Лизой... Она бы порвала его как мышь.

– Простите, что скажу это...

– Я знаю про сонную артерию, – кивнул Денис. – Я все знаю. Но Лиза бы никогда не подпустила к себе постороннего человека.

– То есть вы думаете, что это сделал кто-то из ранее знакомых ей людей?

– Я сказал об этом следователю. Я думаю, ей стоит более внимательно присмотреться к тем людям, с которыми Лиза проводила большую часть времени. Ацтеки-каннибалы, как общество, безобидные. Ну верят люди во что-то. Ну восхищаются устоями и культурой... Что в этом такого? Но вот больных хватает везде. И я думаю, что искать следовало бы среди них. Но следачка уверена, что эта мышшь серая и убила мою семью. Мне глубоко похер что она там себе думает, пусть это все решает суд. Я не судья. Бог им всем судья. Простите, наш разговор окончен, мне надо прилечь...

* * *

Если Роберт Смирнов и способен на убийство, то разве что мухи. Маленький, тщедушный, тощий как трость, сухой старичок сорока восьми лет. Нет, я знаю, что большинство мужчин в сорок восемь лет бодры и полны сил. Но этот человек, казалось, умирал.

Абсолютно потухший взгляд, никакого стремления к жизни, никакой воли. Кого может убить это само по себе убитое существо? Муху, да и только.

Рождественский знакомился с новыми материалами дела, а я сидел напротив Роберта и смотрел ему в глаза. Смирнов спал с открытыми глазами, не может человек так прямо смотреть, даже не моргая. Абсолютно отсутствующий взгляд, пустые глаза без каких-либо эмоций.

– Вы понимаете, в чем вас обвиняют? – спросил я в который раз.

Смирнов не реагировал. Я достал из портфеля снимок его картины и положил на стол. Он медленно опустил взгляд на снимок и снова уставился мне в глаза.

– Это ваша работа?

Никакой реакции.

Я взял снимок и сделал вид, что внимательно его изучаю. На самом деле дома я несколько часов провел в Интернете, пытаюсь установить жанр, в котором работает Смирнов. Помогла мне Жанна – она сказала, что магический реализм сейчас очень моден и в ее экспозиции есть несколько полотен, но сейчас все они на выставке у Полины и у нее нет даже снимков. Такие работы не фотографируются и не выставляются для онлайн-продаж, только офлайн или через аукцион.

– У нас очень требовательный автор, – объяснила Жанна. – У него слишком много заморочек. Он запрещает распространение копий даже в целях рекламы и продажи. Но это не помеха, работы идут с молотка практически все, редко когда на его картину один покупатель.

Я попросил Жанну рассказать мне что-нибудь, чем можно зацепить художника.

– Если бы вы писали картину для продажи, – начал я заготовленную фишку, – то вам пришлось бы написать к ней объяснение. Ничего не понятно, хотя магический реализм вызывает ассоциации и принятие у любого человека, ведь каждый видит свои страхи в этих сюжетах. Ну вот хотя бы взять каждую деталь в отдельности. Я не думаю, что вы, как автор картины, задумывали целостный сюжет, скорее всего, это мозаика – все взаимосвязано, но у каждого элемента своя история. Что мы видим? Один круг в половину полотна, второй ровно такой же. Темно-бордовые на черном фоне. В центре алая точка. Что это может значить? Закос под Малевича? Мне кажется, вы сделали вещь, но сами еще не решили, что ею скажете. Поэтому, скорее всего, вам и придется писать к ней аннотацию. Конечно, если вас посадят за двойное убийство, цена на картину будет существенной.

Никакой реакции. О'кей, идем дальше.

– Я думаю, что вы свою работу еще не закончили. У меня есть подозрение, что на этом полотне должен быть изображен дьявольский пенис, яички вы уже намалевали. Теперь на оче-

реди член, судя по оставшемуся размеру полотна, он либо будет непропорционально яичкам маленьким, либо как у кабана спиралькой. Как будет?

И снова угрюмое молчание. Я сложил снимок пополам и убрал в портфель. Рождественский оторвался от своих дел и посмотрел на меня с упреком. Расслабьтесь, Сергей Юрьевич, у меня в запасе есть еще кое-что.

– На самом деле не важно, что вы собирались изобразить на картине. Она – вещественное доказательство, и после суда ее уничтожат. Так что расслабьтесь, ничего писать не придется.

Глаза Смирнова вспыхнули. Я возликовал – они натурально загорелись, и его как будто включили. Роберт прикрыл глаза, размял шею и посмотрел на меня уже совсем по-другому. Это был осмысленный взгляд человека, который боится потерять ценную для него вещь. Я нашел точку манипуляции, но судя по тому, что Рождественский резко поднялся из-за своего стола чуть поодаль, я сделал что-то не так.

– Мой помощник прав, картину действительно уничтожат, если вас признают виновным. Возможно, ее и нельзя назвать орудием убийства, но она содержит фрагменты тел жертв, это изымут и передадут родственникам, которые сами распорядятся полотном.

– Картина – моя собственность, результат моего интеллектуального труда, – ответил Роберт тихим глубоким голосом. – Никто не вправе забрать ее у меня. Конфисковать мое имущество можно, только если оно добыто преступным путем либо является орудием преступления. Моя картина ни то ни другое. Вы мне лжете.

Я, честно признаться, не мог ответить на его утверждение. С одной стороны, он прав. Картина действительно его собственность, и оснований забрать ее у суда нет. Но! Для ее изготовления использовались фрагменты тел людей, которые необходимо передать родственникам и захоронить в соответствии с законодательством и обычаями. Здесь есть коллизия, и как она разрешается судами, нужно проверить. Я не уверен, что в нашей практике найдутся подобные прецеденты, но наверняка что-то схожее есть. Ну или нужно будет сослаться на зарубежный опыт, или создать такой прецедент.

– Роберт, послушайте, – сказал Сергей Юрьевич, – нам непонятна ваша позиция. То, что вы не общаетесь с представителями следствия, – ваше право. Вы вправе самостоятельно вести линию защиты, и мы обязаны вас поддержать и поддержим. Но с нами вы должны общаться. Даже если вы виновны, мы будем на вашей стороне. Мы обязаны сохранять адвокатскую тайну, и все, что вы скажете нам, дальше нас не уйдет. Все же предлагаю вам подумать и ответить на наши вопросы.

– Вы не задали ни единого вопроса по существу, – сказал Роберт. – И адвокат до вас, и вы сами, и ваш помощник говорите со мной о вещах, которые вас не касаются. Буду ли я разговаривать? Буду ли писать объяснение к картине? Что я думаю по поводу обвинения? Какая вам разница? Спросите то, что относится к делу, и я отвечу.

Вот ведь козел упертый! Вопросы ему, видите ли, не понравились!

– Хорошо, – сказал Рождественский. – Давайте все начнем сначала. Итак, первый вопрос, который адвокат обязан задать: вы понимаете, в чем вас обвиняют?

– Да, в убийстве троих людей и в надругательстве над телами умерших.

– Верно, – ответил Рождественский. – Вы понимаете, к какому наказанию вас может приговорить суд?

– Я читал обвинительное заключение, скорее всего, к максимальному – пожизненному лишению свободы.

– Верно. Теперь следующий вопрос: вы виновны в убийствах, в которых вас обвиняют?

– Нет.

– Как мы можем доказать вашу невиновность?

– Зачем?

– Чтобы вас не посадили пожизненно. Этого мало?

– Я полагаю, что работа следствия – доказать вину обвиняемого и далее в суде защитить свою позицию. Я невиновен в принципе, если суд не установит обратного. У следствия есть доказательства моей вины в убийствах? Прямые?

– Не уверен, что это можно истолковать однозначно...

– Отчего же? Отпечатки на телах жертв не свидетельствуют о том, что я их убивал. Я использовал их тела для получения материалов для написания картин. Все об этом знают, это преступление, и я готов за него ответить. В моей квартире нашли фрагменты тел? Правильно. Как бы я сделал краски без них? Задача была написать картину именно такими красками.

– Следствие может это перевернуть несколько иначе, – мягко заметил Рождественский. – Например, вы специально все устроили так, чтобы оправдать и отпечатки на телах жертв, и наличие крови и фрагментов тел в вашей квартире. Зачастую наличие крови на одежде подозреваемого означает, что убил именно он. Есть экспертиза, которая может установить способ попадания крови на одежду, и доказать что-то обратное будет сложно. Поэтому я и прошу вас сказать, как мы можем доказать вашу невиновность.

Роберт откинулся на спинку стула и сказал:

– Я скажу вам то же самое, что сказал своему предыдущему адвокату. Расслабьтесь, они ничего не докажут, потому что убил этих людей не я. И скоро все это поймут.

– Как?

– Потому что они взяли не убийцу. Убийца на свободе, и он не остановится. Следующая жертва уже выбрана. Она тоже станет частью произведения искусства.

В тот бы момент мне понять, что ситуация стремительно выходит из-под контроля. Но я, как обычно, пропустил все сигналы и теперь неся на всех парусах прямо в пропасть.

* * *

Автомобиль Рождественского остановился возле леса в нескольких километрах от Москвы, там, где были обнаружены трупы Лизы Елизаровой и ее детей.

– Только не говорите мне, что мы будем играть в сыщиков и искать улики, которые просмотрели криминалисты, – сказал я.

– Нет, не будем, – ответил Сергей Юрьевич. – У меня другая идея. Сиди здесь.

Он вышел из машины и зачем-то открыл багажник. Через пару минут вернулся в спортивном костюме и кроссовках и бросил на сиденье кучу тряпья.

– Мой старый костюм, – сказал босс. – Надевай.

– Зачем?

– Я же сказал, у меня есть идея.

Знаю я ваши идеи, Сергей Юрьевич! Если Рождественскому пришло в голову выдоить из камня воду, будьте уверены, засухе не бывать. Что он собрался делать в лесу в половине шестого вечера? Да, пусть на дворе июнь, тепло и солнечно и до заката солнца достаточно далеко, но мне не хотелось бы провести несколько незабываемых часов в лесу в поисках дороги обратно.

Но Рождественский ждал и нетерпеливо пофыркивал, глядя, как я неловко меняю одежду. В конце концов я плюнул, вышел из машины и быстро переоделся. Чему быть, того не миновать – проще смириться с затеей босса, чем пытаться как-то его вразумить.

Из багажника появился рюкзак, который Рождественский накиннул себе на плечи.

– Идем. Делай вид, что ищешь грибы.

– Какие грибы в июне?

– Обычные. Делай вид, искать их на самом деле не нужно.

Боже мой, что в голове у этого человека? Как-то раз он потащил меня на Истринское водохранилище, где был обнаружен труп молодой изнасилованной девушки. Несколько часов

мы ходили по берегу и что-то высматривали, причем я – с особым старанием, потому что не понимал, что именно мы ищем. Вы удивитесь, но вскоре подъехали водолазы и целая бригада криминалистов. Дно водохранилища внимательно исследовали и обнаружили еще три трупа молодых девушек, которые были привязаны к бетону. Экспертиза установила, что трупы пробыли в воде больше месяца и все были утоплены. ДНК, обнаруженная в сперме при исследовании трупов каждой девушки, была одинаковой. Нашему подсудимому дали пожизненное, но еще три семьи обрели покой – пропавшие без вести девушки были найдены.

У Рождественского нюх на трупы.

Сергей Юрьевич сверился с картой и компасом на своем телефоне, указал в какую-то неведомую чащу и с энтузиазмом туда двинулся. Я поспешил за ним, ломая ветки и наступая на что-то противно хрусткое, словно птичьи кости. Шли по бездорожью мы долго, но в конце концов появилась тропинка, которая вывела нас на небольшую поляну, где остались следы работы криминалистической бригады. Оборванные ленты, пакеты из-под реактивов или чего там они рассыпают всюду, чтобы что-то высветить? Валялись даже перчатки и бахилы. В земле под большой липой была вырыта яма, а рядом небольшие ямки подкопов, которые делают, чтобы определить, есть что-то в земле или нет. Судя по хорошему залеганию земли и ровному пушистому моховому ковру, искать в земле нечего.

– Смирнов – псих, – сказал Рождественский, – но он не убийца. И если бы ты дал себе хоть минуту подумать, что, впрочем, мало бы к чему привело, но все же, ты бы понял, что нам нужно всего лишь найти еще тела и связать их каким-нибудь общим основанием, чтобы доказать, что Смирнов не имеет отношения к убийствам.

Ой, ну как же ты меня достал, умный ты наш! Я, между прочим, и сам об этом почти подумал.

– Или насобирать для следствия доказательств, которых им не хватает, чтобы упрятать нашего клиента за решетку. Вы так умеете.

– Не язви, – огрызнулся Рождественский. – Я не мог игнорировать то, что было очевидно всем, кроме следователя. Трупы нужно находить и извлекать из мест, где их бросили. Живые имеют право проститься с родными. А наш подзащитный и так признал вину, но не говорил, где искать еще его схоронки. Хуже я не сделал, тайну адвокатскую не нарушил.

– У адвокатской палаты было другое мнение на сей счет, – напомнил я.

– Палата может засунуть свое мнение куда подальше и постараться его переварить тем местом.

– Вот лишат вас лицензии...

– И что? Лишат, и что? Я, в отличие от тебя, изучал не только русское право, но и английское. Поеду в Великобританию и буду зарабатывать еще больше.

– А вы можете не переводить на меня всякий раз, когда вам ответить нечего?

– Мне есть что ответить. В отличие от тебя. Вот тут остановись-ка.

Во время разговора мы нарезали круги вокруг места обнаружения тел. Это был третий или даже четвертый круг, и с каждым разом мы увеличивали диаметр, тщательно глядя под ноги. Место, где Сергей Юрьевич велел замереть и не дышать, было похоже на место съемок фильмов ужасов. По земле стелился легкий туманец, цепляясь за корни деревьев. Корни торчали, испещренные венозным рисунком, толстые, прорывающие землю буграми и уходящие глубоко-глубоко. Рождественский указал пальцем на маленькую норку и достал из рюкзака фонарик.

Если бы криминалисты прошли на сто двадцать метров на восток от места преступления, они бы нашли эту норку.

Если бы они запустили собак, то псы бы указали на эту норку.

Тогда бы они увидели то, что увидели мы.

Чтобы внимательно разглядеть, пришлось присесть – норка была у основания дерева, спрятана от посторонних глаз множеством переплетенных корней и поросшая мхом. Я бы обязательно прошел мимо, любой бы прошел. Но не Рождественский.

У него ведь нюх на трупы.

* * *

– Ох, Сереженька... Вот что бы я без тебя делала-то? – спросила Валентина Семеновна. За четыре года, что я работаю на Рождественского, я всего несколько раз видел следователя Ховенко.

Во-первых, красоты эта дама необыкновенной. Изящная, утонченная женщина лет сорока или около того, идеально ухоженная и всегда потрясающе выглядит. Огромные бездонные синие глаза, губы пухлые, но не до пошлости.

Я не помню Валентину Семеновну в каком-то помещении, всегда видел ее на природе. И в тот раз, когда на Истре нашли трупы на дне, и сейчас она была в той же строгой форме с погонами и маленьким кожаным рюкзачком. Удобная обувь – ботиночки на небольшом каблучке, и женственно, и практично.

Во-вторых, Валентина Семеновна пользовалась уважением адвокатов и своих коллег из следственного комитета. Слово держала, была справедлива и требовательна к себе больше, чем к другим. Ее уголовные дела в судах не разваливались, свидетели не умирали, а вещдоки не терялись без следа. Никто даже и подумать не мог, что Валентина Ховенко может схалтурить или, упаси боже, взятку взять. Нет, это не про нее.

Она с болью смотрела на раскопки – под деревом мы обнаружили один труп, а под ним еще один и еще... Кто-то закапывал тела одно над другим.

– Не доставайте тела по одному, – велела Валентина. – Мне нужна фотография в разрезе. Копайте рядом, чтобы были видны слои. И позовите грунтольщиков, чтобы взяли все пробы. Мне нужно точно знать, что грунт местный, а не привезенный откуда-то. И с какой разницей во времени их закапывали. Сереженька, что делать-то будем?

– А какие у нас варианты?

– Ну какие? Я снимаю обвинение с твоего клиента, это даже экспертизу ждать не надо. Судя по вот этому мужчине, справиться с ним твой клиент явно бы не смог. Килограмм сто десять живого веса, не меньше. Боюсь, здесь не личное дело и мотивы тоже не личные. Тут маньяк, серийный. Вот ведь вляпалась я перед отпуском... По самые сережки.

Я видел всего два тела – криминалисты успели раскопать их прежде, чем Ховенко потребовала рыть рядом. У обоих тел были отхвачены куски. Тело, которое было вторым сверху, было располовинено, отсутствовала изрядная часть туловища, как будто кто-то бензопилой отрезал ломоть, словно от мясного рулета. Это была женщина, тоже очень полная, килограмм под сто, лет тридцати пяти – сорока. У трупа полного мужчины, что был сверху, не хватало ноги, на теле имелось очень много рубленых ран.

Валентина Семеновна все с той же болью смотрела на свою находку. Вернее, находку Рождественского – это ведь именно он увидел ухо жертвы, торчащее из норки. Эксперт сказал, что ухо обгрыз какой-то зверь, но вот вытащить свою находку целиком из могилы не смог.

– Почему разные места захоронения? – спросила Валентина Семеновна. – Трех закопал в двадцати метрах отсюда, а пятерых здесь. И сколько таких вот слоеных могил по лесу разбросано? Когда собаки приедут?

Молодой оперативник, с умным видом стоящий подле следователя Ховенко, тут же кинулся кому-то звонить. Валентина Семеновна не сводила взгляда с могилы. Могилу осветили мощными прожекторами, вокруг копошились люди, работали криминалисты, раскапывая тела. Щелкали затворы фотоаппаратов, все рабочие вопросы обсуждались полупрошепотом.

Все знали, что Валентина Семеновна любит тишину, спокойствие и оперативную работу – в смысле быстро и качественно. Не что-то одно, а именно и то и другое.

Собак привезли через полчаса. Они разбежались по лесу и то и дело громко лаяли. Прибыли еще две бригады криминалистов. Под утро уставшая команда констатировала – найдено еще три могилы, а всего двадцать трупов. С троими Елизаровыми, найденными ранее, – двадцать три.

Это рекорд для Рождественского.

Первичный осмотр показал, что все трупы были использованы для каких-то целей. Фрагменты тел отсутствовали у каждого, не тронутого не было ни единого.

В десять утра лес уже был очень хорошо освещен. Было свежо, нам в спину дул легкий ветерок, но солнце понемногу набирало силу. Мы с Рождественским стояли достаточно далеко от площадки, куда сложили все обнаруженные тела. Валентина Семеновна же была в самом центре, в окружении черных мешков, расстегнутых наполовину, и смотрела по очереди в лицо каждому трупу.

– Двадцать... С Елизаровыми – двадцать три, – сказал Рождественский тихо. – Это маньяк, это точно маньяк. Ховенко в шоке еще, но скоро она придет в себя и начнет действовать. Этому маньяку очень не повезло, что он нарвался именно на нее. Она его поймает. И я хочу его защищать.

– Про bono? – усмехнулся я. – Бесплатно?

– Неважно как, – ответил Рождественский. – Такие дела бывают только раз за всю карьеру. Ты видел такое где-то, кроме кино? Ты даже не слышал о подобном!

– Не слышал, – согласился я. – Но, когда возьмут этого маньяка, едва ли вы что-то сможете сделать.

– Что значит – вряд ли смогу? Я смогу его защитить.

Рождественский подошел к Валентине Семеновне. Она была сосредоточенна, собранна и внимательна. Я тоже приблизился к следователю и адвокату и зажмурился: в самом эпицентре груды трупов ни лесная свежесть, ни ветер не помогали: пахло смертью и гниением.

Ховенко посмотрела на моего босса усталым взглядом и сказала:

– Сереженька, ты их нашел, а мне разбираться. Тебе придется взять в защиту этого человека или людей. Столько тел... Я никогда не работала с таким количеством жертв. Это будет непросто.

– Посмотрим, смогу ли я взять дело...

– Сможешь. Увозим тела. Мы здесь закончили.

– Валя, подожди, – остановил ее Сергей Юрьевич, видимо, собрался набить себе цену. – Ты же знаешь, что мы дежурируем, и едва ли ты успеешь...

– Сереженька, ты будешь сам биться за это дело, – спокойно ответила следователь Ховенко. – Пусть даже это будет стоить мне карьеры, но виновному в этом массовом убийстве я буду требовать в качестве наказания смертную казнь.

* * *

Рождественский отправил меня в СИЗО сообщить Роберту Смирнову о скором освобождении. Следователь Ховенко обещала, что завтра во второй половине дня она подготовит все документы для освобождения. Не сказать чтобы я горел желанием провести остаток воскресенья в СИЗО в процессе соблюдения всех процедур контроля, но домой мне не хотелось – Жанна чувствовала себя не очень хорошо, у нее не переставая болела голова, и все выходные она не вылезала из кровати. Даже отказалась мыться, заявив, что удар капель воды по коже сильно раздражает ее, и она не может настроить температуру: вода либо ледяная, либо ошпаривает кипятком. Поскольку она практически все время спит, то в нашей однушке нельзя было

даже фильм посмотреть, не говоря уже о каких-то других домашних занятиях. Я бы, конечно, мог прогуляться или съездить к родителям, но мне не хотелось ни того ни другого. Поэтому я почти с удовольствием поехал в СИЗО.

Радостную новость об освобождении Роберт Смирнов воспринял не так, как я на то рассчитывал. Я ожидал бури эмоций, положительных, качественных, словом, ждал, что человеку снова захочется жить.

Но нет.

– Еще трупы нашли? Сколько?

– Вместе с Елизаровыми в том лесу похоронено двадцать три тела, – ответил я. – Вы понимаете, что я только что вам сказал? Следователь готовит документы об освобождении, вас не подозревают более в убийствах.

Роберт Смирнов молчал, глядя в стол. Я недоумевал – в чем же дело? Отчего человек, которому грозило пожизненное лишение свободы, так реагирует на новость об освобождении? Да, обвинения в надругательстве над телами умерших с него никто не снимал, и вина там очевидна и доказана, но по этому преступлению нет наказания в виде пожизненного лишения свободы. Я молча ждал реакции, и она наконец наступила.

– В США есть такое понятие, как сделка с правосудием. У нас есть что-то подобное?

– Да, есть сделка со следствием. Но о чем вы хотите рассказать? Следователь и так нашла тела, она в курсе, что есть еще жертвы. Но у нее нет претензий к вам.

– Как вы думаете, что она скажет, когда узнает, что на телах есть мои отпечатки? Что она будет думать?

Мне показалось, что я оглох. Как такой маленький человек мог уложить в могилу столько людей? И оказался пойманным на такой ерунде?! Не может этого быть! Я не верил своим ушам. Роберт между тем поднял на меня полные злости глаза и сказал:

– Если вам кажется, что я шучу, можете дождаться результатов вскрытия и экспертиз. Они найдут там мои отпечатки. Но я думаю, что, когда они их найдут, требовать сделки будет уже поздно. Я никогда не смогу доказать, что этих людей убил не я.

– Вы знаете, кто их убил?

– Да.

– Тогда нужно срочно вызвать Рождественского и вместе придумать, что мы будем делать дальше. Я думаю... Нет, давайте я думать не буду, все-таки ваш адвокат Сергей Юрьевич, ему и решать. Я скоро вернусь.

Я вышел из переговорной и позвонил Сергею Юрьевичу. Трубку он долго не брал, а когда взял, на заднем фоне приглушено играла музыка и слышался плеск воды. Ну да, конечно, самое время отбыть на дачу и плескаться в бассейне под летним солнышком. Облом, Сергей Юрьевич, труба зовет.

В СИЗО Рождественский приехал к половине восьмого вечера, когда я уже извелся в ожидании. Час назад у меня села батарея на телефоне, что решительно не позволяло и дальше истреблять резвыми птичками противных зеленых свиношек в детской игре, которую я любил именно в моменты, когда нужно было убить время. Книги у меня с собой не было, зарядного устройства или powerbank тоже. Охранник в общем зале ожидания читал газету, изредка осматривая помещение, хотя там был только я.

Меня давно мучает вопрос: ну почему нельзя в таких казенных заведениях сделать приличный ремонт? Почему болотно-зеленая краска обязательно должна быть нанесена на полувину стены и пузырями, а оставшаяся часть стены и потолок – побелены серыми белилами, которые отваливаются и трескаются, расплзаясь паутиной по всей длине? А мебель? Деревянные стулья со спинками, которые могут сломать и ребра, и позвоночник, до того они твердые и острые. На стульях написано все, что только можно, – и про заключенных, и про судебную систему, и про полицию, даже про адвокатов нашлось место. Ручками синей, красной, черной

– огромный выбор; и все это в присутствии этого самого охранника, который не выходит из помещения. Но даже эта убогость меркнет перед помещениями, в которых содержатся арестованные. Начиная от коридора, в который нет входа людям свободным, и заканчивая камерами, в которых у нормального человека руки чешутся или сделать ремонт, или повеситься. Мрачно-серые помещения, изобилующие грибок и плесенью, сырые и затхлые, как будто после задержания человек утрачивает не только свободу, но и право на жизнь в светлых, чистых, проветриваемых помещениях. Вероятнее всего, при выборе цвета для покраски помещений в СИЗО ответственные за это люди руководствовались принципом «ничего приятного», иначе такого бы никогда не получилось.

Явившийся в голубом костюме-тройке Рождественский озарил солнцем зал ожидания. Распространяя волны аромата дорогого парфюма, он сразу же привлек внимание охранника, который вскочил со своего удобного кожаного кресла на колесиках и развел бурную деятельность по заполнению каких-то бумаг на столе.

Я ввел Сергея Юрьевича в курс дела, наблюдая забавную пляску эмоций на его лице. Удивление, которое у обычных людей выглядит как высоко поднятые брови и округленные глаза, у Сергея Юрьевича выглядело как огорчение – бровями он мог шевелить, только собирая их в кучку. Недавно сделанные уколы красоты лишили Рождественского лучиков морщинок вокруг глаз, сделав их безэмоциональными. Озабоченность же Рождественский выражал одним ему понятным способом – скручивая губы в трубочку, что еще можно было провернуть, ибо ни до губ, ни до зоны вокруг косметолог еще не добрался.

– Тут надо подумать, – сказал он мне. – Давай выйдем на улицу.

Не подумать ему было нужно, а покурить. Не успели мы выйти, как Рождественский затянулся своими отвратительно вонючими сигаретами, с ароматом то ли кофе, то ли ванили, или вообще это какао? Я не знаю, но запах отвратительный, переносить его на уставшую голову сложно. Нормальных сигарет Сергей Юрьевич не курил. Он мало что из нормального делал.

– Вот что я думаю: Смирнова обвинят, а у Валуши дело заберут. Не знаю как, но точно заберут. Она никогда не пойдет на обвинение невиновного.

– У него мог быть поделщик.

– Вот так и скажет другой следователь, но не Валя. Тут же очевидно всем, даже самому тупому, что Смирнов бы в одиночку не справился. Едва ли Смирнов вообще к убийствам причастен, но в такую глубочайшую философию никто не полезет. И дело даже не в тупости, а в том, что, как только пресса пронюхает, делу дадут ускоренный оборот. Маньяка нужно найти и покарать, и чем быстрее, тем лучше. И как ты понимаешь, парных маньяков не бывает. Это массовое единовременное убийство.

– Я сомневаюсь, что при недостаточности улики Смирнова посадят.

– А зря, – ответил Рождественский. – По Елизаровым он, считай, укомплектован. Другие трупы аналогичные, и на них есть его пальцы. Этого хватает для обвинения. Сделают экспертизу психиатрическую, и все, дело сшито.

– Вы преувеличиваете, – ответил я. – Дело о двадцати трех трупах будет расследовано очень тщательно. Чтобы обвинить человека в столь жестоких преступлениях, нужны железные доказательства.

– Вот поэтому у Вали это дело и отберут, – сказал Рождественский и потушил о подошву своих туфель сигарету, покрутил в руках бычок и кинул его в урну. Конечно же, не попал.

Роберт Смирнов предстал перед нами в глубочайшей задумчивости. От него несло табаком так сильно, что даже удушливый пряный парфюм Рождественского был не в силах его перебить.

– Мой помощник сказал мне, что экспертиза обнаружит на трупах ваши отпечатки. В связи с этим вы хотели бы получить какую-то сделку со следствием. Верно?

– Да.

– Для начала я должен разъяснить вам, что значит сделка со следствием и на каких условиях она возможна.

Конечно, я знаю о таком, но никогда с этим не сталкивался. В фильмах, чаще американских, нам показывают достаточно простое действие – обвиняемый сообщает следствию что-то сверхважное, а прокурор за это обещает ему все, что угодно. Руку на отсечение не дам, что в реальном американском уголовном праве все так. В российском уголовном праве все не так.

– Сделка возможна только в том случае, если вы можете рассказать следствию то, о чем они не знают. Места новых захоронений, дать показания против сообщников или обличить настоящего преступника. Если вы будете говорить только о своем участии, то сделки не будет. Это понятно?

– Да.

– Хорошо. В любом случае вы, предлагая сделку, сообщите следователю только то, о чем намереваетесь ему рассказать, а расскажете все только после того, как соглашение утвердит прокурор и подпишет его. Это понятно?

– Да.

– Далее. Поскольку обвинение с вас, скорее всего, не снимут, судить вас будут за убийство в любом случае, со сделкой или без нее. И наказание назначит суд с учетом мнения прокурора, изложенного в соглашении. Но суд не обязан строго следовать договоренностям, вы должны это понимать. Если суд посчитает, что вы не полностью исполнили свои обязательства перед следствием, он может перейти в обычный судебный процесс и вынести приговор совсем без учета соглашения. Этот риск вы понимаете?

И снова утвердительный ответ. Смирнов не выглядел затравленным зверьком. С тех пор, как я сообщил ему о найденных двадцати трупах, он больше не был умирающим человеком, нет, в его небольших глазах отражались внимание и интерес ко всему происходящему. Видимо, до этого момента он умирал от тоски, понимая, что следствию есть в чем его обвинить, но нечем доказать.

– Скажите мне, что у вас есть предложить следствию? На основании ваших слов я подготовлю ходатайство.

– Я не могу открыть вам личность преступника, того человека, который убил всех этих людей, но я могу помочь его поймать.

– Есть еще тела?

– Я не знаю. Возможно. Он говорил, что умеет доставать трупы. Свежие трупы из морга, от которых либо отказались, либо откажутся. Такие тела хоронят в общей могиле, но в моргах можно их купить. Тело стоит пять тысяч рублей, оно никому не нужно, по нему никто не заплачет. Какая разница, кто его похоронит? Он говорил, что у него есть связи.

– Так он продавал вам трупы?

– Да. Поэтому я трогал их без страха. Я не думал, что этих людей убили ради меня. Я даже не подозревал об этом.

– Как вы можете помочь поймать его?

– Я назначу новую встречу.

– И он придет?

– Всегда приходил.

Меня мучил один вопрос, который, судя по всему, в голову Рождественскому не приходил. Я воспользовался паузой, пока Сергей Юрьевич делал записи в свой шикарный блокнот с золотым тиснением, и спросил:

– Когда мы приходили к вам в прошлый раз, вы сказали, что убийца на свободе и новая жертва уже выбрана. Вы еще сказали, что жертва станет частью произведения искусства. А сейчас вы говорите, что покупали только трупы и не думали, что людей убивали для вас. Не сходится.

Роберт посмотрел на меня, словно пытался прострелить взглядом насквозь. Не на смерть, но насквозь.

– Когда я говорил о жертвах, конечно же, я имел в виду останки. То есть мертвые тела. Об убийствах я не говорил. Но я не могу ручаться за то, что он не похитил иных мыслей, в которых человеку нужна именно жертва, которая еще жива.

– Похитил мысли? Вы о чем вообще говорите? – спросил я.

Рождественский оторвался от своих записей.

– У меня шизофрения, этот диагноз поставлен давно, еще в девяносто восьмом году, когда мне было двадцать три года. Я бредил, у меня были галлюцинации. Мне было очень сложно справляться с этим всем, но я пытался. Видит бог: я пытался. Я исправно лечился, пил таблетки, лежал в клинике, проходил терапию. Я постоянно был в напряжении, боялся возвращения моих видений. Они были по-настоящему ужасными. Вы понимаете, когда человеку здоровому рассказывают про галлюцинации, он думает, что это не так страшно, как больной о том кричит. Но мы кричим не просто так. У нас нет никаких галлюцинаций. Все это реально. Абсолютно реально...

* * *

Мне история Роберта показалась еще более ужасной, чем Сергею Юрьевичу. У него не было живого примера под боком, он действительно воспринимал рассказ Смирнова как историю, в которой очень много больной фантазии. Я же примерял все рассказанное на свою жизнь, в большей части – на Жанну, с чем ей предстоит столкнуться.

Жизнь Роберта Смирнова была непростой. Он родился в семье бедной, почти нищей. Родители оставили его, когда малышу было семь лет. Роберт попал в детский дом. Оттуда он вышел без образования и навыков для жизни, потому что обуздать парня так и не смогли. Воспитателям и учителям не удалось выявить в ребенке каких-либо талантов, даже элементарного интереса к жизни и занятиям, которыми люди увлекаются всю жизнь, именуя работой. Роберт отбыл положенное и вышел на свободу человеком без будущего, с ранней стадией шизофрении, которую, увы, никто не выявил.

Лет в шестнадцать Роберт стал замечать, что у него воруют мысли. Это случилось однажды, но ввергло ребенка в такой шок, что он запомнил это ощущение на всю жизнь. В солнечный летний день в детском доме был организован групповой досуг в загородном лагере, детей вывезли на природу на выходные. Неизвестно, какой меценат оплатил пребывание детдомовцев в дорогостоящем лагере для детей людей с очень высоким положением, но в те жаркие дни августа 1991-го Роберт и его друзья отдыхали в «Совенке» в Подмосковье.

Если зайти на официальный сайт лагеря и посмотреть фото, можно удостовериться: и сегодня «Совенок» сохранил свою аутентичность. Огромная территория, резные переходы между просторными красивыми деревянными корпусами, территория, охваченная широченым и высоченным забором из цельных бревен, покрытых медовым лаком. Гигантские горки, с которых зимой можно лететь с невероятной скоростью, а летом в них прокладывали пластмассовый желоб и по воде спускали детей вниз, где их ждал наполненный прохладной водой бассейн. На территории лагеря имеются соляная пещера, несколько бань, большой летний и крытый зимний бассейны, теннисный корт, футбольное поле и гигантская трибуна, которая может вместить тысячу зрителей. Иногда в «Совенке» проходят большие спортивные соревнования среди детей, и трибуны набиваются битком, а в летние сезоны в лагере трибуны используются как арена для зарядки и бега с препятствиями.

Само по себе попасть в «Совенок» было счастьем, но оказаться в нем рядом с Любовью – что еще может желать подросток шестнадцати лет?

Роберт познакомился с Любочкой на школьной олимпиаде, которую проводили между детскими домами. Не по возрасту высокая, с полной волнующей грудью, Любочка поразила юного Роберта в самое сердце, не оставив даже места для других не менее симпатичных девочек. Он грезил только о ней, причем чем дальше заходили его мечты, тем сильнее ему хотелось их воплотить.

В лагере все занимались общественной работой – убирали территорию, красили скамейки и собирали мусор. Обычный распорядок дня детдомовских детей, так называемая «трудотерапия». Детей кормят и дают им ночлег, дети должны отработать, им нужно привыкать ко взрослой жизни и понимать, что любое благо нужно заработать. А с трех часов и до ужина дети могли заниматься чем угодно, только не трогать большой бассейн и не кататься с горок, которые подготовлены для нового заезда в начале грядущей недели.

Любочка работала усердно, и Роберт не упускал ее из виду ни на минуту целый день – смотрел, как она собирает мусор, как подрезает розы вокруг бассейна. Как смахивает непослушные кудри, как поправляет неумные груди, волнуя Роберта и всех мальчишек вокруг. Весь этот день был для него праздником, которого детдомовскому мальчишке не доставало. Только непроходящая эрекция его смущала. Он адекватно оценивал свою неказистую внешность, невысокий рост, худощавую фигуру, лицо в угрях. Ему бы иметь более рельефные руки, сильные ноги и кубики на животе, как у Вадика Соловцева, по которому сохнет половина девочек группы, и можно было бы набраться смелости и пригласить Любочку погулять после ужина. Но нет, отказа не миновать, а Роберту отказ был смерти подобен.

Но помечтать-то никто не запретит, верно?

Еще во время уборки Роберт заметил одно место: за трибуной начинался пруд, который территорией «Совенка» не являлся, и заходить в него строго воспрещалось. К территории лагеря относился только берег, который и вычищали Роберт с товарищами. Между берегом и трибуной были выстроены два деревянных домика для отдыха, совсем простые, только стены и крыша, а рядом – мангал. После того как вожатая объявила свободное время до ужина, Роберт отправился на свой персональный пляж, забрался в один из домиков и представил, что в этот домик входит Любочка в одном купальнике, ее налитые молодостью и здоровьем груди крепко стиснуты, им очень тесно, и она просит Роберта их освободить и наконец измять так, как бы он их измял, будь он ее мужем. Она также просит освободить ее от трусиков и согреть в теплых объятиях, что Роберт с удовольствием и молчаливой покорностью делает...

Ему стало намного легче, он даже закурил, плюнув на возможность быть пойманным. Но не успел докурить сигарету, как на берегу показалась знакомая фигура. Любочка прошла вдоль берега, не видя Роберта в домике, сняла с себя платице, оставшись только в купальнике, и зашла в воду по колени. Роберт не смог удержаться и снова расстегнул ширинку.

Любочка окунулась раз, второй, третий и поплыла.

– Плохая девочка, – сказал Роберт, яростно работая рукой. – Ты очень плохая девочка, Люба...

Когда Люба выходила из воды, она увидела Роберта. В этот момент его тело свело блаженной судорогой, а Любочка засмеялась и расстегнула верх купальника, оголив грудь. Руку Роберта залило, у него перехватило дыхание, а Любочка взяла себя обеими руками за груди и начала с ними играть, как с мячиками.

И тут Роберт увидел ЕГО. Сначала из-под воды показались две костистые руки, которые приближались к Любе; вот они уже по локоть, а Любочка продолжала забавляться со своей грудью, не слышала сзади шелест воды, которую рассекал уже появившийся по пояс человек. То есть не человек. Абсолютно черный, костлявый монстр с непропорционально огромными красными глазами, он подходил все ближе и ближе. Роберт поспешно застегнул ширинку и выбежал из домика, крича Любе, чтобы она выходила скорее из воды. Но Люба как будто специально сделала шаг назад и уперлась прямо в монстра. Вопреки ожиданиям Роберта, она при-

жалась к черным костям и позволила ему взять себя за грудь. Роберт вбежал в воду, берег был мелким и пологим, и ему оставалось каких-то восемь-десять шагов. Но Любочка, окончательно обмякнув в руках монстра, упала с ним навзничь и растворилась в воде, словно и не было ее.

Не было даже брызг. Идеально ровная гладь, хорошо видно дно – пустое, только песок и камни, да маленькая щучка юркнула куда-то в глубину. От испуга Роберт закричал, нырнул в воду, поднял песок и тину в поисках Любочки, которую нужно было спасти от монстра. Но руки цепляли только донную слизь и вязкий песок.

На берег прибежали люди – вожатые, его друзья и одноклассники. Кто-то вытащил Роберта из воды, а он кричал, что Люба утонула, что ее еще можно спасти, ведь времени прошло совсем немного!

– Роберт, я не утонула, я здесь!

Он окинул взглядом возбужденную толпу и увидел Любочку. Вот же она – во плоти, стоит рядом с подружкой, в своем платье, которое пару мгновений назад скинула при нем. Живая и невредимая... Ну как же так? Ведь он же видел своими глазами!

Вожатая сказала, что он перегрелся на солнце, и его отправили до ужина в комнату отдыхать. Роберт проспал до семи вечера и ужинал практически в одиночестве. Ему велели вернуться в комнату максимум через полчаса, но он решил, что успеет выкурить в домике на берегу еще одну сигаретку.

Он поверил в то, что действительно перегрелся и устал, поэтому про вторую часть своих грез можно не вспоминать. В домике он снова представил Любочку, но довести дело до конца не смог.

Она снова появилась на берегу. В купальнике. Только шла не в воду, а к нему в домик. Роберт быстро спрятал эрегированный член в штанах, застегнул молнию и сосредоточился на курении, стараясь придать себе независимый вид.

Любочка вошла в домик и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.